

МАРИНА ИНДИВИ
КСЕНИЯ ЛИТА

ОТШЕЛЬНИЦА
ИСКРА КОРОЛЯ

Марина Индивиди

Отшельница. Искра короля

«Автор»

2026

Индивиди М.

Отшельница. Искра короля / М. Индивиди — «Автор», 2026

В мире драконов сила их правителей столь могущественна, что выдержать ее может лишь его личная Искра. Меня готовили к этому с детства, поместив в мое тело частичку его пламени. Когда-то я была его женой, сосудом для его магии, той, кто выносила и родила для него ребенка. Теперь моему сыну уже пятнадцать, а я отшельница, отвергнутая мужем несколько лет назад. Он вот-вот женится на другой, а все, что мне остается - медленно угасать. Хотя я всего лишь закрыла глаза в своем мире, а очнулась в теле этой несчастной женщины. В провинции, куда ссылают неугодных, Оливия Веттивер попрощалась бы с жизнью. Вот только я не она, и сдаваться не намерена! Превратить забытый всеми городок в лучшую здравницу? Не вопрос! Дорогой супруг, а вы здесь с какой стати нарисовались? Королям тут не рады!

© Индивиди М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Королевский подарок. 1	7
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	31
14	34
15	36
Часть 2. Королевский кошмар. 1	39
2	41
3	43
4	45
5	47
6	49
7	51
8	53
9	57
10	59
11	62
12	64
13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ксения Лита, Марина Индиви

Отшельница. Искра короля

Пролог

— Живая? — донеслось до меня.

— Живая!

— Правда что ль?

— Помирала же...

— Помирала да не померла.

В больнице, где я работала заведующей в отделении хирургии, как-то побольше энтузиазма обычно звучало по поводу выживших. Не считая того, что у нас в отделении никто так не разговаривал, как в девятнадцатом веке. И уж тем более я не находилась на больничной койке, когда... когда что?

Я помнила только, что брала ночную смену за сменой, чтобы не приходить домой и не думать об измене мужа и о предстоящем разводе. О том, что моя Наташа, в которую я столько вложила, наша общая дочь, поддержала отца, а не меня.

— Надо было думать о семье, мам, а не только о своих больных! Тогда бы папа на других не заглядывался!

В сорок три особенно больно такое услышать, вдвойне больно — от самого родного человека, от которого ожидаешь поддержки, ведь я же старалась ради нее. Все ради нее. Чтобы у нее все было только самое лучшее, с самого детства. Чтобы никогда не нуждалась ни в чем, чтобы ни один в ее классе не посмел тыкать в нее пальцем, как в свое время в меня, из-за того, что мои родители не могли позволить себе даже купить мне новый пенал. Я ходила с тем, что у меня появился еще в первом классе и так до седьмого.

— Эй! Эй! — В меня и сейчас потыкали пальцем, вырывая из воспоминаний. Довольно неучтиво. Буквально.

Я открыла глаза, и девица в темно-серой форме с передничком с визгом шарахнулась в сторону.

— Зачем так орать? Не в морге же, — я попыталась сесть, но голова болела так, как, кажется, болела у меня только один раз в жизни. Мы тогда с группой были на практике и попробовали спирт. Вот на следующее утро она и болела. Как сейчас.

Хотя в следующий миг головная боль стала для меня уже не столь существенной проблемой — передо мной застыли две молоденькие девицы, ничем не напоминавшие нашу медсестру, Лерочку. Которая кричала мне в ординаторской:

— Ольга Петровна, Ольга Петровна! Что с вами?!

Потом грудь сдавило как в железном кулаке — и вот, здрасьте, приплыли. Глюки. У меня инфаркт? Я под наркозом на операционном столе? В сознании сразу замелькали очевидные факты, потому что ничем другим это быть не могло. Комната, как в средневековом замке из учебника по истории. Везде грязь и антисанитария, две девчонки с вытаращенными глазами, которые смотрели на меня так, будто увидели призрака.

Я подняла руки и чуть сама не завопила, как первокурсница в анатомичке. Потому что руки были не мои! Тонкие, изящные белые плети с длинными пальцами, с отросшими ногтями! Этими пальцами я себя и ущипнула, а потом подскочила не столько от боли, сколько в панике, метнулась к зеркалу, висевшему на стене.

Из зеркала на меня выпучилась светловолосая женщина неопределенного возраста: ей могло быть как тридцать, так и пятьдесят, потому что исхудавшее серое лицо, тронутое мор-

щинами в уголках глаз, в уголках губ, сильно выраженная носогубка, говорили о том, что за ним никто давно не ухаживал.

Что здесь вообще происходит?! Это уже не операционные и не послеоперационные глюки, это что-то гораздо более глобальное!

— Где я?! — обернувшись к девицам, выпалила я.

Одна вытаращилась еще больше, другая прижала ладони к груди и пробормотала:

— Спятила, драконушки-святые! Как есть спятила!

Часть 1. Королевский подарок. 1

— Это кто тут спятил?! — угрожающе произнесла я.

Девыцы присели. Я тоже: на пуфик у туалетного столика, где стояла, потому что ноги уже не держали. Адреналин схлынул, уступив место слабости, и у меня опять задрожали колени и внутренности. Головная боль вернулась, за ней приплыл туман перед глазами и прилетели черные мушки.

Сильное обезвоживание, про себя отметила я. Как минимум пару дней не ела и не пила. Что еще? Тремор рук, спутанность сознания могли быть вызваны многими причинами, но разобратся в этом кошмаре не представлялось возможным без посторонней помощи. Никакой аппаратуры... какая аппаратура в средневековье? Никаких анализов.

— Пошлите за доктором! — скомандовала я, и девыцы опомнились.

— Да-да, конечно, сейчас, — пискнула та, что светловолосая, и убежала.

Вторая, шатенка с грубоватыми чертами лица, направилась ко мне:

— Вернитесь в кровать, госпожа Оливия. Вы зря так подскочили резко, и впрямь при смерти были, мы уж думали, все...

— Вы думали, что я все, и поблизости не было ни одного медика? — уточнила я, но помощь девыцы все-таки приняла. Без нее не представлялось возможным дойти до кровати и не пропахать носом ковер.

— Ме... ме... Кого?

«Ме-ме, козла», — мысленно огрызнулась я. Меня злила собственная беспомощность, вся эта ситуация злила. Я не понимала, что происходит, а хуже всего — не иметь возможности трезво оценивать обстоятельства!

— Врача. Доктора. Кого я только что просила привести.

— А-а-а, целителя, — понимающе пробормотала девушка, помогая мне лечь. — Ну так да... откуда у нас на него деньги? Мы и так едва концы с концами сводим. Я да Карла на все поместье вдвоем горбатимся: убираем, стираем, скотиной и садом занимаемся, на кухне работаем.

И при этом меня называют «госпожа». Хороша же госпожа, если довела себя и свое имение до такого состояния!

— В смысле, денег нет совсем? Тогда откуда они сейчас появились?

— На помирающую не было, — бойко отпартовала девица. — На живую наскребем. Вы же совсем плохая были... сами говорили, что тратиться не надо, бесполезно уже. А сегодня... ну, мы правда грешным делом подумали, что все. Карла когда за мной прибежала, сказала: не дышит. Ошиблась, дурочка, с перепугу.

— Что со мной произошло? — продолжала допрос я.

Сейчас важно как можно скорее оценить ущерб и понять, что с этим можно сделать. То, что у меня не глюки, я уже убедилась, столь реалистичных физических ощущений у бессознательного тела быть не может.

— Так... — Девушка заморгала. — С тех пор, как его величество искру из вас извлекли, ваше здоровье и пошатнулось. Серьезно.

Не знаю насчет физического, но психическое сейчас тоже пошатнулось. Что из меня извлекли, простите? На всякий случай решила дослушать, может, станет понятнее.

— Вы как сюда приехали, ни дня не было, чтобы вы в обмороки не падали. Потом стали кушать меньше, потом мерзнуть начали посреди лета в прошлом году. Этой зимой перестали на прогулки ходить, спали все время, вам все хуже и хуже становилось.

Не стало.

— Сколько я здесь? — уточнила я. Меня трясло в ознобе, несмотря на то, что из распахнутых настежь окон врывались ароматы — судя по всему, весеннего цветения, и тепло. Это было единственное, что придавало жизни этому погосту. Запах от постели стоял такой, словно я обделалась. Может и обделалась, кстати? Заглянув под одеяло, я поняла, что нет, это просто запах немытого тела.

Служанка посмотрела на меня с сомнением:

— У вас память не нарушалась раньше.

— Раньше не нарушалась, сейчас нарушилась, — отрезала я. Прекрасно понимая, что в шпионские игры без таких исходных данных играть не получится, а играть придется, чтобы выжить. — Я почти ничего не помню. Из того, что было до.

Девушка сочувственно закивала, я же задала следующий вопрос:

— Искра. Что это?

— Ох, совсем плохо... — забормотала было она, но под моим взглядом осеклась. — Это частичка драконьего огня, которые драконы помещают в избранных, чтобы те могли принять силу их пламени и родить наследника...

Она говорила и дальше, но перед глазами все поплыло, и я остановила ее взмахом руки. Потом буду выяснять все остальное, сейчас все равно ничего не запомню. Сознание то спутанное, то проясняется. Так дело не пойдет.

— Приготовь мне ванну, — сказала я. — И, пока я буду мыться, смени здесь белье и открой дверь. Пусть комната проветрится.

Будучи доктором я понимала, что больные люди чаще всего пахнут не очень приятно, но встречать доктора в таком виде сама точно не могла. Я лучше десять раз упаду по дороге в ванную, чем позволю кому-то еще это унюхать.

— Да, вот еще. Нарвешь цветов, поставишь здесь. Чтобы аромат шел.

Служанка кивала, кивала, куда-то убежала, и я провалилась в забытие. Очнувшись от того, что она трясла меня за плечо, минут десять мы шли в ванную, которая оказалась не в комнате, а в конце коридора. Девушка стыдливо отвернулась, когда я стянула длинную, до пят, белую сорочку и погрузилась в едва теплую воду. Или воспаленному сознанию так показалось? Не лучший, конечно, вариант — купаться с температурой, но как есть.

— Я белье поменяю и вернусь, посидите тут без меня?

— Посижу, — ответила я.

И это было самой большой ошибкой. Я закрыла глаза, вцепившись в бортики ванной, а открыла от того, что кто-то большой и сильный рывком выдернул меня из воды. Закашлявшись, я совершенно неромантически обрызгала своего спасителя. А когда, невольно вцепившись в его плечи, распахнула глаза, увидела высокого темноволосого мужчину в черном. Он держал меня за плечи, крылья хищного носа дрожали, темные глаза сверкали отвращением.

Он смотрел на меня как на отребье.

2

— Жива, — не сказал, выплюнул он мне в лицо с сожалением и разжал руки. Я плюхнулась обратно в ванную с изяществом тюленя, бедро прострелило болью, но кости вроде остались целы. Зато я окончательно замочила незнакомца, и это была даже не метафора: от воды его темная одежда в некоторых местах стала еще темнее.

Если бы перед этим мужчина не тряс меня как куклу, возможно, я бы соображала лучше. А так уставилась на него во все глаза. Огромный. Незнакомец, что бесцеремонно вытаскивал меня из ванной, будто имел полное право, и смотрел как на грязь под ногами, был огромным и злым. Такие могут сломать шею одной левой. Или правой, в зависимости от того, правша он или левша. Но лицо непростое, нос с горбинкой, большие глубоко посаженные глаза, тонкие губы и гладко выбритый квадратный подбородок, густые, ниже плеч волосы. Как бы сказала моя бабушка: порода. Такому надо в кино сниматься, злодеев играть в самый раз!

О чем я вообще думаю? Надо думать, что это за странное место, в котором никто не радуется выжившему? Или дело в той, в тело которой я запрыгнула?

— Вас расстроил этот факт? — поинтересовалась я. Я не знала, что сделала моя предшественница, но уже успело надоесть, что все сильно расстраиваются, когда видят меня живой. Как любит говорить моя дочь, у меня начинало от этого подгорать.

— Расстроил? — переспросил мужчина. — Я разочарован в тебе, Оливия. Снова. Решила изобразить умирающую, только чтобы я отпустил к тебе Тимоти?

Я хотела ответить ему, что понятия не имею, кто такой Тимоти, но в этот момент незнакомец тоже заметил, что он мокрый, и резко повел ладонью. У меня слова застряли в горле, когда капельки воды взмыли в воздух и осыпались дождем, а пятна с одежды исчезли. Я подавилась ответом, потому что мужчина даже не заострил на этом внимание. А вот я шарахнулась в сторону, если бы могла сейчас бегать, наверное, побежала бы.

Мама! Это что за повелитель водички?

— Что? — рыкнул этот укротитель стихии. — Нечего мне сказать?

— Я ничего не помню, — повторила я версию, которую рассказала служанке. Или кем она здесь приходится?

— Действительно не помнишь? — Повелитель изогнул бровь, а в темном взгляде заискрило от сарказма.

Я покачала головой, и он хмыкнул.

— Удобно. Значит, больше не будешь донимать меня своими просьбами. Ты исполнила свою роль, Оливия. Я заплатил тебе сполна. Мы в расчете.

С этими словами мужчина покинул комнату так же быстро и внезапно, как и появился. А я поняла, что рядом с ним меня не колотило от температуры, но, стоило ему уйти, слабость и озноб вернулись, растеклись по телу.

— Кто это был? — поинтересовалась я у вернувшейся через несколько минут служанки, и она всплеснула руками, едва не заплавав. Очевидно, в очередной раз убедилась в том, что я психически неполноценная.

— Это наш король, его величество Стефан.

Король Стефан?! Хорошо хоть не Наполеон! Может, мне действительно место в дурке?

— И что он здесь забыл? — спросила я скорее для себя, чем для девушки, но она ответила.

— Он от Карлы, наверное, узнал, что вы были при смерти. Был неподалеку, вот и прилетел.

Прилетел? Надеюсь, не буквально.

— Почему?

— Так вы его супруга. Точнее, были когда-то.

— А Тимоти — наш сын? — предположила я.

— Вспомнили! — обрадовалась девушка.

Я не стала ее расстраивать и говорить, что просто угадала. Уж в чем-в чем, а в разводе я с недавних пор разбиралась и знала, что супруги при расставании начинают делить все что можно и нельзя. Например, детей. Тимоти, видимо, остался с отцом, а король Стефан запретил ему видеться с матерью, то есть со мной.

Что я точно не могла понять и осознать, так это что серьезно рассуждаю о судьбе некой Оливии, которая, кажется, вовсе не плод моего воспаленного воображения. Не фантазия. Не сон. Пора было признать, что я умерла от инфаркта, чтобы попасть сюда... В мир с магией?

Несмотря на то, что я была человеком приземленным, верила в науку, в традиционную медицину, во все, что можно доказать, как и любой современный человек, я знала о существовании астрологов, тарологов... писателей-фантастов, в конце концов. Смотрела «Иван Васильевич меняет профессию», «Назад в будущее», «Чумовую пятницу», мультики про фей с Наташей, когда она была совсем малышкой. Во всех этих фантастических историях была магия, а еще люди преодолевали пространство и время, и оказывались в другой вселенной, в другом времени или в другом теле.

Я с силой сдавила виски, потому что от всех моих размышлений, приправленных стрессом, начала жутко раскалываться голова. Я как могла отгоняла мысль, что это насовсем. Назад в будущее, к себе не получится. Но, если верить собственной памяти, кажется, я умерла.

И получила второй шанс на новую жизнь.

3

Шатенку звали Жюли. В конечном счете пришлось спросить об этом прямо, потому что ни вторая девушка, Карла, ни доктор ко мне не торопились. Бывший и то быстрее прискакал! Прилетел... Кажется, Жюли что-то говорила про драконов и их частицы. Значит ли это то, что козел, желавший мне всего хорошего в ванной, не козел вовсе? В смысле, козлы они и в фэнтези козлы, но все же.

Наверное, у меня слишком сильно поднялась температура, раз я абсолютно серьезно размышляю, козел или дракон муж Оливии.

Жюли помогла мне промыть волосы, которые были ниже талии, но напоминали куцый хвостик, помогла подняться и обтереть тело чистым, правда, застиранным полотенцем. С мокрой головой меня уже не просто знобило, а трясло, но такова была цена чистоты. Вернувшись в спальню маленькими шажочками при помощи служанки, я закуталась в теплый неопределенного цвета халат и рухнула на свежую, хрустящую от чистоты постель. После чего впервые за все время моего пребывания в этом мире почувствовала себя хорошо.

Правда, это ощущение длилось всего долю секунды, потому что в следующее мгновение дверь широко распахнулась, и в комнату шагнул высокий блондин лет тридцати в светло-коричневом костюме. Я не была в курсе местной моды, но этого даже не требовалось, чтобы понять — мужчина следил за собой. На контрасте с бедностью и разрухой вокруг все в нем буквально кричало о лоске: начиная с выглаженной одежды и чистых ботинок, и заканчивая идеально подстриженной бородкой, словно он только что вышел из барбершопа. Хотя нет, завершенности образу добавлял надменный взгляд, которым он меня окинул. Бывший Оливии смотрел на меня брезгливо, как на грязь, новый персонаж — словно я пограла его прекрасный мир своим существованием.

— Доктор Теренс, спасибо, что пришли, — шагнула ему навстречу Жюли и спасла меня от необходимости выяснять, что за новое парнокопытное забрело в наш огород.

— Я же целитель, — усмехнулся Теренс, — это мой долг. — Вышло пафосно, но он тут же все испортил, добавив: — Деньги вперед.

Только когда Жюли прибежала с увесистым мешочком, а местный доктор пересчитал монеты, он наконец-то соизволил приблизиться к моей постели. Бесцеремонно водрузил на тумбочку возле моей головы свой саквояж и поинтересовался:

— Как себя чувствуете, госпожа Оливия?

Нет, я не была ханжой, которая считает, что деньги докторам не нужны, и люди должны работать бесплатно. Но мы, медики, давали клятву Гиппократу, в конце концов. А этот персонаж больше напоминал дельца, чем целителя.

— Словно я умерла, — проскрипела я.

— Как я вижу, вы живы, и это замечательно!

У меня было не так много сил, но на то, чтобы закатить глаза, силы нашлись.

Дальше меня ни о чем спрашивать не стали, доктор Теренс просто заводил надо мной ладонями, как гадалка на ярмарке. Щелкнул пальцами и полез в саквояж. Чтобы вытащить оттуда запечатанную прозрачную баночку с ярко-оранжевой жидкостью.

Так, стоп! А как же первичный опрос? Собрать анамнез? Сдать анализы? Хотя в их заголовке вряд ли кто-то слышал такие слова!

— Вы не спросите, что со мной? — поинтересовалась я надтреснутым голосом.

— Мы оба знаем, что с вами, — отмахнулся он, вскрывая баночку и капая на ложку несколько капель оранжевой водички. Ложку он тоже из саквояжа достал и вряд ли хотя бы мыл после предыдущего пациента, не говоря уже о санобработке или стерилизации. Поэтому я вжалась в подушку, когда он поднес средство к моим губам. — Из вас извлекли искру, госпожа

Оливия. Ваши тело и дух этого не выдержали и постепенно разрушаются. Ваша смерть — лишь вопрос времени, но мое лекарство поможет вам побыть с нами еще немного.

То есть Оливия этот препарат уже употребляла? Как медик, как взрослый сознательный человек я не могла позволить себя принимать лекарство, о котором ничего не знала. Какая побочка, противопоказания?

— А что в составе? — спросила я, все еще косясь на застывшую перед моим лицо ложечку.

— Чистая магия, конечно.

Магия. В моем мире это звучало как шарлатанство, но *здесь* уже могла убедиться в том, что магия как телефоны, вай-фай или стиральная машина *там*. Может, глупо было брать незнакомый препарат от чудака, который мне даже не нравился, но я преодолела брезгливость и все-таки глотнула жижу, которая на вкус оказалась абсолютно безвкусной. Даже у воды существовал оттенок вкуса, а у магии его совсем не было. Словно я глотнула *ничего*. Но спустя мгновение в груди словно разлилось небольшое солнце. Мне стало так хорошо, что в голову закралась мысль — Теренс дал мне что-то запрещенное.

Впрочем, никаких галлюцинаций или эйфории не было, меня просто вдруг разом отпустило: перестало знобить, реальность перед глазами прояснилась, словно кто-то подкрутил резкость, а слабость в теле будто растворилась. Я легко подняла руки без ощущения, что к ним привязаны камешки. У меня даже получилось сесть.

— Как себя чувствуете теперь? — поинтересовался Теренс.

— Отлично, — честно ответила я. Магия действительно была... как магия.

— Замечательно, — дежурно произнес доктор, опустил банку с ложкой в саквояж и захлопнул его. — Зовите, если потребуюсь, госпожа Оливия.

Теренс так быстро собрался, что мой вопрос застал его уже в дверях.

— На сколько хватит действия магии?

— На сутки, — огорошил меня он, — может, немного больше. Успейте закончить с делами.

Прежде чем отправиться на тот свет. Этого он не сказал, но мысль повисла в воздухе.

Всего лишь сутки за мешок монет? Либо ему платили десятикопеечными, либо магия нынче дорога.

— Подождите, может, назначите другое лечение? Не столь дорогое.

На лице Теренса снова появилось то самое высокомерное выражение, с которым я уже успела познакомиться.

— Я лечу только магией, — процедил он и ушел.

4

От Жюли я узнала о ценности «поставившей меня на ноги» магии. В пересчете на рубли это было примерно пятьсот тысяч, и я основательно впечатлилась. Конечно, то, что могло помочь умирающей порхать как бабочка, не могло стоить дешево, но к самому средству и к доктору у меня остались вопросы. В частности, если эта магия настолько сильная, почему она не излечивает, а дает только временный эффект, причем, мягко говоря, кратковременный?

Впрочем, вопросы к доктору могли подождать, а вот мое состояние, увы, нет. Служанка кратенько просветила меня о том, что искра — это пламя дракона, которое помещается в девочку или девушку на основании наилучшего совпадения по каким-то там магическим показателям. Потом эта самая искра позволяет барышне не сойти с ума, когда дракон занимается с ней тем, от чего на свет появляются драконята и отпускает свою силу на полную. Эта же полезная штука позволяет выносить и родить здорового и сильного наследника, но... как всегда и везде вот тут возникало то самое пресловутое «но».

Если дракон по той или иной причине решит извлечь из тела супруги искру, ей грозит быстрое увядание, ослабление организма, ухудшение зрение, слабоумие, и так далее, и тому подобное. Список побочных эффектов от извлечения драконьего пламени можно было перечислять до бесконечности, но я их и так почувствовала на себе. До того как приняла зелье.

Слабость. Нежелание что-то делать или куда-то идти, все видится в черном цвете (привет, депрессия). Мозги работали, к счастью, но как-то вяло, без лишнего энтузиазма. Кожа сухая и в морщинах, все тело изношенное, не как у тридцатипятилетней женщины (это мне тоже рассказала Жюли), а как у старухи. С сердечными ритмами опять же проблемки.

Словом, много всего, что может меня убить и убьет в самое ближайшее время. Если я что-нибудь не придумаю. К доктору обращаться было бессмысленно, на вторую порцию «магического воскрешения» денег просто не осталось.

— Их хватит на пару-тройку месяцев содержания поместья, — грустно сказала Жюли. — И то не факт. Карла уже говорила о том, что надо бы начать искать другой дом для работы.

Если верить девушкам, все средства ушли на мое лечение от доктора Теренса, но оно не помогло. Да он особо и не старался, насколько я поняла, махнул рукой на сосланную Искру. Бывшую Искру и некогда королеву. Которой супруг выделил определенное содержание и поместье в захолустье (то есть это все принадлежало мне) с оговоркой, что я, то есть Оливия, больше не будет пытаться увидеться с сыном. Но все это (и поместье, и сумма) были выделены единожды. По договору я обязалась больше ни на что не претендовать.

Конечно, можно было продать поместье и попытаться протянуть еще немного на вырученные деньги, а дальше что? Во-первых, в таком состоянии, как оно сейчас — большая часть комнат закрыта, стены ощерились осыпающимся камнем, парк зарос, а фонтаны не работают уже лет десять, еще до того, как Оливия здесь появилась — за него много не получишь. Во-вторых, мне все равно надо где-то жить. В-третьих, это не решает главной проблемы. Проблемы моего здоровья.

— И что, кроме Теренса совсем никого нет, кто занимается целительством? — уточнила я, заплетая светлые волосы в косу. Коса получилась хиленькая, хотя Жюли мне рассказывала, что когда я только что приехала, она была толщиной в ладонь, иссиня-черного, как вороново крыло цвета.

Потому что искра меняет тело женщины и дарит ей цвет и структуру волос как у мужа. Соответственно, извлечение со временем откатывает процесс, и я облондилась обратно. Не только облондилась, но волосы еще и основательно поредели.

— Были, да он всех разогнал, — пожала плечами служанка. — В смысле, не выдерживали они конкуренции. С травами-то оно дольше исцеление будет, а все хотели быстрее. Теперь он аптекарь единственный и лекарь тоже.

— А доехать до соседнего города?

— Так туда пять дней пути. Вы точно такую дорогу не выдержите.

М-да. Целитель-монополист с сомнительными моральными качествами. Как у него тут весь город не перевымер?

— Помоги мне поприличнее одеться, Жюли, — сказала я. По саду и полуразрушенному поместью и так можно было ходить, а вот для того, что я задумала, нужно выглядеть иначе. — Съезжу в город.

Заодно осмотрюсь.

Может быть, кто-то продает нужные мне травы. Или хотя бы что-то! До того, как узнала об измене мужа, я увлекалась еще и ароматерапией. Понятное дело, что в таком запущенном случае как у Оливии одними ароматами и эфирными маслами делу не поможешь, но я была намерена оценить обстановку и все возможные варианты раньше, чем за мной придет смерть с косой. Хотя сейчас она вполне может принять меня за свою. Коса есть? Есть. Даром что не металлическая, а в остальном я такая же костлявая и «симпатичная».

Чем больше я изучала запавшие глаза — в зеркале, в отражении, тем сильнее злилась. Нет уж! Я не умру! Не дождутся! Никто не дождется.

Жюли как раз помогала мне застегнуть платье, когда я, наконец, обратила внимание на потускневшую цепочку с медальоном у себя на груди. Завела руки за спину, чтобы расстегнуть замочек, и служанка ахнула.

— Что?

— Так вы... вы же его никогда не снимаете.

Я нахмурилась и открыла крышку медальона, чтобы увидеть портрет мальчика. На вид ему было лет десять, но он уже был точной копией Стефана: тяжелые брови, такой же тяжелый взгляд, острая линия губ, высокие скулы.

Тимоти. Сын Оливии.

На меня разом нахлынули воспоминания о моем мире. О Наташе. Ей, наверняка, уже позвонили из больницы. Что она почувствовала в тот момент, когда узнала, что меня больше нет? Сердце словно сдавила невидимая рука, и я немедленно выбросила себя из опасных мыслей. Не хватало еще второй раз за сутки умереть от инфаркта.

И цепочку тоже перестала расстегивать.

Оливия умерла сегодня, но об этом никто, кроме меня, не узнает. Носить медальон с портретом ее сына — дань уважения этой женщине, которая в одиночестве прошла через ад. То единственное, что я могу сделать в память о ней.

5

Платье, которое мне выдала Жюли, судя по бархатной ткани и кружевам, когда-то было достойным королевы, но теперь износилось и выцвело: ярко-красная ткань стала цвета кирпичика. Я видела такие наряды в кино и на картинках: обычно корсаж еще расшивали драгоценными камнями или жемчугом. Если здесь и были украшения, то их давно отпорол и продали. Или сразу обменяли на магию Теренса. Я бы предпочла брючный костюм, но никаких брючных костюмов у Оливии не было и в помине. Средневековые же! Хорошо хоть обошлось без корсетов: я бы такого надругательства над своим телом не вынесла, пусть даже я в нем недавно.

Несмотря на палящее летнее солнце, от зонтика я наотрез отказалась: витамин Д мне сейчас полезнее. А в город пришлось добираться пешком, по заросшей колее между полей, потому что из транспорта здесь осталась лишь двуколка, и та без лошади. Я пробыла в этом мире меньше дня, но уже успела понять: кто здесь обладает магией, тот живет замечательно, кто не обладает — ходит ножками или платит за магию. К счастью, я за нее заплатила и чувствовала себя отлично, поэтому вошла в город спустя сорок минут.

Если, конечно, это можно было назвать городом: на Земле самый забытый богом пгт выглядел больше и масштабнее.

Деревянные двухэтажные домики выстроились по обе стороны от большого тракта, проходящего через весь город. Иногда их пересекали улочки поменьше, но, кажется, все они заканчивались тупиками, какими-то конюшнями или огородами. Длинный, но узкий — так можно было охарактеризовать этот городок. А первое питейное заведение под названием «Таверна Лювьера», попавшееся мне на глаза, наводило на мысль о Диком Западе, а не о Европе. Впрочем, здесь была не только таверна: прогулявшись по единственной улице, я нашла бакалейный магазин, лавку портного, лавку мясника, аптеку и огромный каменный трехэтажный особняк, похожий на тот, что принадлежал Оливии, но ухоженный и спрятанный за кованым забором.

Людей на улице было немного, мне попалось всего несколько горожан, и все недружелюбные. При виде меня они либо перебежали на другую сторону, либо хмурились и делали вид, что как-то взаимодействовать со мной ниже их достоинства. Не знаю, какой была репутация Оливии у местных, но ощущение было, что меня здесь не любит никто. Когда же грязного вида мужик плюнул мне под ноги, я в этом окончательно уверилась.

Жюли, кстати, собиралась идти со мной, раз я ничего не помню. Но по этой же причине я оставила ее в имении. Одно дело ничего не помнить, совсем другое — при этом помнить то, что я по идее помнить не должна. Я не собиралась никому открываться, пока не выясню, почему я попала именно в тело Оливии. Но сидеть и ждать, когда истекут сутки волшебства, а я сама превращусь в тыкву — увольте. Я не знала, что страшнее: меня раскроют, или я снова погибну. Поэтому старалась быть осторожнее. Насколько это вообще возможно в текущей ситуации!

Держа в уме слова Жюли о том, что аптека принадлежит Теренсу, я все же решила рискнуть и начать с нее. Стоило мне толкнуть дверь, звякнул колокольчик, и откуда-то из подсобки выбежал паренек. Заметив меня, он расплылся в дежурной улыбке, чем после всех встретившихся мне по пути сюда людей заставил удивиться.

— Госпожа Оливия, добрый день!

— Добрый день... — Я сделала вид, что вспоминаю, как его зовут, и парень не остался в долгу, подсказав:

— Анатоль.

— Точно, — я щелкнула пальцами. — Прошу прощения, Анатоль. Я в последнее время стала все забывать.

— Это неудивительно после того, что с вами произошло, — посочувствовал парень, но тут же быстро переключился: — Что вас сюда привело? Хотите флакон с магией с защитой

от солнца? Или чтобы волосы сияли? Общеукрепляющих сейчас нет, такое мощное средство господин Теренс выдает только лично!

Кто бы сомневался! А то вдруг Анатолий магию сольет и продаст пустышку. Такие как Теренс всегда всех меряют по себе.

Я покачала головой и сказала:

— Мне нужны очки.

— Очки? — вскинул брови Анатолий.

— Очки, пенсне, бинокль, — принялась перечислять я. — Любая оптика, которая позволит лучше видеть.

— Магия, — хохотнул парень. — И вам не понадобятся никакие приспособления, чтобы лучше видеть.

Заманчиво, но нет. Потому что у меня на нее денег нет. Такой вот каламбур.

— То есть у вас нет очков? А господин Теренс сегодня утром убеждал меня, что в его аптеке есть все.

— У нас есть все! — возмутился Анатолий, полез в какой-то ящик и выложил на прилавок оптику в странной оправе. Это было нечто металлическое, и я уже представляла, как безумно буду выглядеть с подобным аксессуаром, но безумный вид ничто по сравнению с возможностью нормально видеть. — Мы заказываем это для матушки Жаннет, нашей швеи. Она экономит на магии.

Последнее он произнес несколько брезгливо, как стоматолог, пациенты которого отказываются чистить зубы и проходить регулярный осмотр.

Надев очки, я поняла, что они как раз для близорукости, поэтому сняла и подвинула их к себе. Я заставила Жюли выдать мне оставшиеся деньги: горничная стала в позу, мол совсем без гроша останемся. Пришлось убеждать ее, что на этот раз я потрачу их с умом. Во-первых, позабочусь о том, чтобы завтра не раскиснуть. Во-вторых, подумаю, как можно заработать.

— Мне еще нужны кое-какие травы, — сказала я. — Что-то повышающее давление...

Когда я шла в город, то заметила целые поля цветущих цветов. Травы, конечно, не действуют как магия, но вытяжки из них вполне могут помочь мне потихоньку выкарабкаться из предсмертного состояния. Еще я собиралась завернуть к мяснику и купить мясо. Сомневаюсь, что у них есть препараты железа, но у Оливии, читай меня, все признаки анемии. Мне нужно скорректировать диету.

Договорить я не успела, потому что в аптеку буквально ворвался огромный мужчина и прорычал:

— Мне нужен, Теренс, Анатолий! Моя дочь упала с лестницы. Мне нужна магия! Немедленно!

— Неме-медленно не полу-лучится, Исиф, — ответил, заикаясь, аптекарь. — Он уехал к господину Тибальту, вернется только к вечеру.

Это «ме-ме» меня преследует, мрачно подумала я. То есть ребенок будет мучиться, пока Теренс ездит по богатым клиентам?

— К вечеру моя дочь может умереть! — возмутился громила.

Я шагнула вперед раньше, чем успела себя остановить:

— Отведите меня к ней. Я помогу.

6

Мужчина выпучил глаза и посмотрел на меня не то подозрительно, не то с надеждой.

— В вас же не осталось королевской магии, госпожа.

Да сдалась им всем эта магия! Там ребенок серьезно ранен! Но я успела понять, что в этом мире, среди этих людей магия котируется выше профессиональных медицинских навыков, поэтому решила не уточнять, как именно я буду спасать девочку.

— Я смогу помочь, — повторила с нажимом. — Ведите!

К счастью, мужчина больше не стал спорить и даже открыл для меня дверь. Мы быстро пересекли улицу и нырнули в бакалейную лавку. В небольшом помещении уже столпился народ: они обступили рыжую девочку лет десяти-двенадцати, лежащую на полу без сознания. Я замерла на мгновение, почувствовала, как кровь отливает от лица, потому что она диким образом напомнила мне Наташу. Такие же кудряшки, такая же нежная кожа в веснушках. Только врачебный опыт помог мне быстро прийти в себя и действовать.

— Дорогу, — скомандовала я, и народ расступился в стороны, как Красное море перед известным пророком. — Уберите всех отсюда.

— Разойдись! — басом грянул отец девочки, выдворяя зевак из магазина. Я же опустилась на колени перед малышкой и проверила зрачки и пульс.

— Помогите переложить ее на бок.

Здоровяк четко выполнял все мои указания: вместе мы перевернули девочку, и я обнаружила у нее здоровенную гематому на затылке. Очевидно, она ударилась головой. Но могло быть еще и внутричерепное кровоизлияние.

— Что вообще произошло?

— Полезла вверх за мешком. Сотню раз приказывал Марни этого не делать, но она у меня упрямая. Все сама. Лестница у нас хорошая, — он кивнул на приставную лесенку, — но не удержалась, видимо. Упала. Я в подсобке был, прибежал, когда услышал грохот, а она лежит без движения. Я думал, что все — убила моя кровиночка, а она дышит.

— У вас есть лед? Бинты? Нужно сделать повязку!

— А как же магия? — Мужчина даже с места не сдвинулся, а я почувствовала себя мошенницей, хотя настоящим мошенником в этом городе был Теренс.

— Сначала повязку, — напомнила я.

— Вы меня разыгрываете?! — прорычал он. — Ну-ка отойдите от моей дочери!

Он шагнул ко мне, но я выставила руку вперед, сказала жестко:

— Если вы действительно заботитесь о Марни, то принесете мне лед.

То ли мой тон, то ли страх за здоровье малышки, то ли все вместе заставили его скрыться в подсобке, и я смогла вернуться к своему пациенту.

Это практически все, что я могла сделать в таких условиях: оказать первую помощь и надеяться, что у девочки нет кровоизлияния в мозг. Что она выживет, не впадет в кому и не останется на всю жизнь калекой. По-хорошему, ей нужно сделать МРТ, ей нужно в больницу, но в этом захолустье больницы нет, а до изобретения аппарата МРТ еще сотни лет. Если его, конечно, здесь изобретут!

Я купила у Теренса магию для себя, но сейчас бы отдала ее всю для этой малышки.

Стоило об этом подумать, как из-под моих пальцев выскочили искры. Я в ужасе отдернула руки, боясь повредить своей маленькой пациентке, которая застонала от соприкосновения с... магией?! Как там? Драконушки-святы? Наверное, я сошла с ума, найти этому другое объяснение было сложно, но я снова положила ладони на голову Марни.

Ничего волшебного не случилось. Я чувствовала жжение на пальцах, видела всполохи, но ничего не происходило. Я по-прежнему не знала законов этого мира, но на одно мгновение

предположила, что магия — не лекарство. Точнее, не лекарство в том самом смысле, как это принято на Земле. Что, если магия — это инструмент? Инструмент, который подчиняется мне... силой мысли.

Стоило мне подумать, захотеть узнать, что происходит внутри ее головы, как передо мной в воздухе, словно голограмма, раскрылся трехмерный «снимок» черепа Марни. Я увидела пульсирующие красным сгустки и поняла, что их надо немедленно убрать. С моих пальцев потекло еще больше магии, я словно делала операцию с помощью новейшего эндоскопа. Сделать надрез, выпустить кровь: на Земле на это ушли бы часы, здесь я потратила от силы минут пятнадцать. Когда убирала руки от головы девочки, мои пальцы подрагивали. Да что там, трясло меня всю. Но я знала, что теперь все хорошо. Закончив операцию, я погрузила ее в сон. Как знала, что...

— Марни нужен отдых. Завтра она проснется здоровой, — пообещала я появившемуся здоровяку, в глазах которого сверкнули слезы.

Отец аккуратно унес девочку: очевидно, они жили в одном доме с магазином. А я попыталась подняться и... не смогла. Мои ноги подкашивались, и я едва доковыляла до стула. Глядя на слегка размытый мир, я поняла, что мое желание сбылось: я истратила всю купленную магию, чтобы спасти ребенка.

Пока я думала, что с этим делать, мужчина вернулся.

— Чем я могу отблагодарить вас, госпожа Оливия?

— Я очень устала, — призналась я. — Помогите мне забрать кое-что из аптеки и добраться в имение.

К счастью, у Леона, так звали бакалейщика, была лошадь и повозка, поэтому мне не пришлось тащиться через поля. Ставлю все свои дипломы на то, что я бы не дотащилась. О случившемся я не жалела, нет! И не только потому что как доктор по призванию радовалась за свою спасенную пациентку. А потому что, кажется, начинала понимать, как работает магия.

Если она инструмент, я могу помочь не только другим, но и себе. Осталось выяснить, где ее можно взять, и не по той конской цене, которую предлагает Теренс!

7

Магию особо было взять негде. Ну то есть как... в этом мире существовали драконы, и можно было взять у них. Если ты драконья Искра или тебе жить надоело. В первом случае, как мы уже выяснили, искру-магию подсеял сам дракон, во втором можно было попытаться из него что-то сцедить. Вторым источником магии были люди-целители. Разумеется, им она давалась не в тех масштабах, в которых драконам, но она у них была. Видимо, в отсутствие технологического прогресса природа распорядилась так для того, чтобы они могли составлять зелья или быстро определять повреждения, как сегодня сделала я, на магическом уровне, плюс быстро заживить рану, вылечить опасную болезнь и так далее. Я считала это абсолютно справедливым, но природа не выбирала исполнителей. Поэтому магия досталась и Теренсу, который предпочитал не исцелять, а продавать ее задорого в чистом виде и таким образом подсаживать на нее всех, кто мог себе позволить.

А кто не мог...

Я даже думать об этом не хотела.

Жюли рассказала, что у него здесь было несколько крупных клиентов: первой была, разумеется, я, вторым — тот самый господин Тибальт. Если верить служанке, по ее описанию и симптомам у него отказывали почки, и Теренс тоже исправно «потчевал» его магией. То есть мы были основными источниками его дохода, только у Тибальта, в отличие от меня, денег было больше, и Теренс мог продолжать его «доить» еще долго.

То, что нечистый на руку мужик решил так распорядиться целительским даром, я могла понять. На Земле тоже таких встречала, чего я не могла понять, так это почему местных жителей все устраивает. В ответ на мой прямой вопрос Жюли замаялась, а потом сказала, что у нее много дел по дому и убежала. Карлу я вообще найти не смогла, поэтому пришлось отложить вопрос Теренса на потом и устраиваться в саду. На потертом, в застывших потеках и пятнах от дождя аналоге шезлонга с отполированными до блеска подлокотниками. Пожалуй, эти подлокотники были единственным, что напоминало о былой роскоши.

Глядя на заросший дикий сад, красивый, но которому явно не доставало руки садовника, я глубоко вдыхала сам по себе целительный весенний воздух и делала гимнастику для глаз. Посмотреть вдаль — посмотреть чуть ближе — совсем близко — и так далее. Очки — это, конечно, хорошо, но зрение они мне не восстановят, поэтому я твердо решила, что буду использовать их для работы.

Если, конечно, найду способ совладать с тем, что со мной происходит. Потому как что магические недуги (а именно таким было извлечение искры), что обычные (а это было последствием извлечения, когда у Оливии «посыпался» весь организм) я отчасти смогу поправить диетой, нахождением на свежем воздухе, возможно, на первых порах какой-то легкой гимнастикой. Но даже до легкой гимнастики надо добраться, сейчас же мне требовалось много времени, чтобы добраться от дома до шезлонга.

Пока я предавалась невеселым, не сказать, чтобы совсем пессимистичным, но все-таки ближе к полупустому стакану мыслям, на глаза попало дерево, которое отцвело, и на котором уже появились первые крохотные зеленые яблочки.

Яблочки по весне? Это что-то новенькое!

Я, конечно, была тем еще садоводом (выросла в городе, а дачу мама продала еще когда я была совсем крохой, потому что серьезно заболел отец), но даже так могла сказать, что яблони плодоносят в конце августа-начале сентября. Так же?

За спиной что-то зашуршало, и я оглянулась: из заросших кустов на меня смотрел насупленный, темноволосый пацаненок. Ни Карла, ни Жюли ни словом не обмолвились, что у них есть дети, но он и не был на них похож. Совершенно. Во взгляде мальчишки было что-то дико-

ватое, как у затравленного волчонка, и вместе с тем в них клубилась внутренняя сила и готовность драться за свою жизнь. С кем придется.

— Привет, — сказала я, и он нахмурился еще сильнее. Из чего я сделала вывод, что мы знакомы? — Я тебя знаю?

— Не лично, — буркнул он и, выпрямившись, шагнул из кустов поближе ко мне. Видимо, понял, что я не опасна, а если придется отступать, он легко от меня убежит. На вид ему было лет девять-десять, темные волосы и не по-детски ожесточенный взгляд делали его чем-то похожим... на Стефана? Я, видно, и впрямь о ванну ударилась, если мне этот сатрап теперь в каждом видится.

— Тогда как?

— Меня зовут Лазар Вальден, — он вскинул голову. — Я сын Кристофа Вальдена. Господи, памяти бы мне побольше отсыпал, раз уж закинул сюда.

— Я ничего не помню, — развела руками я. — Извлечение искры меня почти dokonало.

— Вы как-то странно выражаетесь, — хмыкнул мальчик.

Это я-то странная? Это у вас тут средневековые порядки со всеми вытекающими! Вслух я не стала этого говорить, просто вопросительно посмотрела на него.

— Мой отец был казнен за государственную измену, — хмуро произнес мальчик, — а меня везли на рудники. Я убил стражника и сбежал по дороге, потому что услышал, как стражники переговаривались между собой... сказали, что долго я там не протяну. Но я и сам не глупый, все прекрасно понимаю. Во мне течет королевская кровь, а значит, я потенциальная угроза.

Что?! Ребенка на рудники?!

Я лишилась дара речи, потому что когда попыталась что-то ответить, из горла вырвался только сдавленный хрип.

— Вам плохо?! — тут же шагнул ко мне мальчик.

А я вдруг поняла, что нет. Мне стало лучше с тех пор, как я тут сижу, и зрение вдруг относительно прояснилось. Не от гимнастики же, право-слово? От шока наверное, другого объяснения я просто найти не могла.

— Я пришел к вам, чтобы вы меня спрятали. Мне больше не к кому пойти. — Мальчишка внезапно словно надломился, как сухая ветка, и опустился на колени. — Меня ищут по всей провинции. Как только угомонятся, я сразу уйду, госпожа. А так я могу пока в погребе жить. Могу грязную работу по дому делать. Меня воспитывали как будущего солдата, поэтому мне не привыкать.

Шок все еще был силен, но именно этот же шок сейчас подкинул меня с шезлонга.

— Во-первых, поднимайся, и чтобы я больше такого не видела, — я положила руки ему на плечи и основательно встряхнула. — А во-вторых, сейчас мы тебя накормим ужином, и после поговорим о том, что нам делать дальше.

Мальчишка изумленно посмотрел на меня, но все-таки поднялся. Правда, в следующий миг его взгляд снова стал диким и метнулся в сторону вышедшей в сад Жюли.

8

Девушка тоже его заметила и сложила губы буквой «о». Она явно занималась готовкой, потому что держала в руках половник, но при виде Лазара перехватила его, словно это был меч.

— Вам угрожают, госпожа Оливия? — воинственно поинтересовалась она.

— Нет, Жюли. Этому мальчику нужна помощь.

— Этому оборванцу лучше уйти подобру-поздорову. — Служанка прищурилась и осмотрела Лазара с ног до головы. — Дезертир? Похоже на военную форму Рована.

— Какая военная форма, Жюли? — разозлилась я. — Он же еще мальчишка. Тем более я его знаю.

— Простите, но в последнее время вы никого не знаете, госпожа. Не узнаете, то есть.

— Его узнала, — я закрыла мальчика собой, — он...

— Я прислуживал госпоже Оливии при дворе короля Стефана, — не позволил мне назвать свое имя Лазар.

Я оглянулась на него, но в темном взгляде уловила не только предупреждение. Страх. Затравленное выражение лица говорило о том, что он безумно боится. Учитывая рассказанную мне историю, я его понимала. Поэтому прикусила язык. Я не имела права раскрывать секрет Лазара даже Жюли: пока я слишком мало ее знала, даже несмотря на то что Жюли и Карла были единственными слугами, которые остались с Оливией и отказались уйти.

— Я его вспомнила, — я положила ладони на плечи вздрогнувшего мальчишки и подтолкнула его вперед. — Это не военная форма, а служебная ливрея.

Жюли несколько раз поморгала, рассматривая Лазара более пристально, но все же половник опустила.

— Точно, у военных она красная, — пробормотала она себе под нос. — Как его зовут?

— Жюль, — брякнула я первое имя, что пришло в голову. Да, меня оригинальной не назовешь, но Жюли умна, если бы я задумалась, она бы заподозрила неладное. — Его надо хорошенько накормить. Он согласился работать на меня за еду.

Теперь Жюли приободрилась: работы в особняке всегда было много, так что дармовому помощнику девушка обрадовалась.

— Только сначала отмоем хорошенько, — она наморщила нос. — Пойдем, тезка, я тебя все покажу и расскажу.

Лазар бросил на меня отчаянный взгляд, но я легонько его подтолкнула:

— Иди, все будет хорошо. Увидимся за ужином. Жюли, а зачем ты приходила?

— Точно! — Она хлопнула половников по ладони. — Вас же ждет Леон! Бакалейщик. На кухне. Пригласить его сюда?

— Нет, — покачала я головой. — Я сама подойду.

История с мальчиком на меня странно повлияла: я стояла уже несколько минут, но колени не подгибались от слабости. Я даже достаточно быстро преодолела расстояние из сада в кухню. Правда, все это время думала о том, как сообщу своим служанкам, что о Лазаре, то есть о Жюле, никто не должен знать. Ни горожане, ни военные, которые могут заглянуть к нам в поиске сбежавшего каторжника.

Я яростно сжала кулаки, стоило мне подумать о том, что супруг Оливии отправил Лазара на рудники. И все потому, что он угроза... чему? Его власти на троне? Первый шок прошел, и теперь мое сердце разрывалось от гнева и несправедливости, обливалось кровью. Благодаря Стефану Лазар сирота. Полный ли? Где его мать? В голове роилось множество вопросов, но все они оставались без ответа. Пока. Потом я его расспрошу и все узнаю. Обязательно узнаю. И сделаю все, чтобы спасти этого ребенка.

Это решение немного поубавило мою ярость на одного злобного короля. В конце моего пути, перед самой кухней, мне уже не хотелось убивать. А очень хотелось узнать, какие новости привез Леон.

Кухня в поместье была большой, как и полагается кухням в таких особняках: с длинными столами, громадной печью, с кучей висящих на стенах инструментов и нагревающим артефактом-плитой, на котором сейчас в кастрюле варился оставленный Жюли суп.

Даже в таком большом помещении бакалейщик выглядел внушительно, но не он первым привлек мое внимание, а ярко-рыжие всполохи, играющие в волосах сидящей на высоком табурете девочки.

Она тоже заметила меня первой, спрыгнула с табурета и низко мне поклонилась. Сердце кольнуло болью, но я заставила себя отмахнуться от тоски по дочери.

— Добрый вечер, — поздоровалась я.

— Доброго здравия, госпожа Оливия, — пророкотал Леон.

— Лишнее здоровье еще никому не помешало, — улыбнулась я и перевела взгляд на девочку. — Как твое самочувствие, Марни?

— Прекрасно, госпожа.

— Голова не болит? Не кружится? Не мучает тошнота?

Марни вопросительно посмотрела на отца, но он только одобряюще кивнул.

— Ничего такого, — ответила она уверенно.

— Я очень этому рада, — искренне улыбнулась я. Хотя до сих пор удивлялась тому, как быстро магия справилась с выздоровлением девочки. На Земле на это ушло бы гораздо больше времени. Может, этот мир не такой уж и отсталый? — Что вас ко мне привело?

Если все хорошо, зачем они здесь?

— Чтобы я могла поблагодарить вас, госпожа Оливия. — Она протянула мне букет полевых цветов, и на душе стало тепло, теплее, чем в шали, с которой я успела сродниться. Впрочем, я только сейчас заметила, что оставила ее на шезлонге. — Мы с папой привезли вам подарки!

— Подарки? — переспросила я, а Леон показал на мешки в углу. Это были продукты. Много продуктов.

— Не стоило... — расчувствовалась я.

— Это меньшее, чем я могу отблагодарить вас за спасение моей звездочки, — отец обнял дочь и чмокнул ее в макушку. — Ее мать отправилась к праотцам, так что мы остались совсем одни. Если понадобится что-то еще, обращайтесь.

— Если вам нужна помощь по дому, я могу заглядывать, — закивала девочка, а я почувствовала, что сдавливающее меня чувство безысходности вдруг начало отпускать.

Глядя на Марни с Леоном, я впервые подумала, что, возможно, оказалась здесь, в этом мире, не напрасно.

9

К счастью, сына Кристофа Вальдена никто не узнал. Ни Жюли, ни Карла не увидели в ожесточенном потерянном мальчишке сына заговорщика. К несчастью для меня, я сама мало что понимала. То есть о Кристофе Вальдене не знала ровным счетом ничего, кроме того, о чем обмолвился Лазар. Про себя я решила называть его Жюль, чтобы случайно не сболтнуть лишнего. Но из того, что я знаю и понимаю местный язык, и не просто знаю и понимаю, но еще и на нем разговариваю, я сделала вывод, что память Оливии у меня все-таки осталась. Частично. Возможно, у нее у самой были проблемы с памятью или что-то сродни болезни Альцгеймера из-за жестокости мужа.

К еще большему счастью, Леон привез нам столько продуктов, что в город можно было не ходить минимум месяц, а это значило, что ни Жюли, ни Карле не придется там появляться. Соответственно, ни одна из них не узнает о сбежавшем из-под стражи мальчике. По той же причине я отказалась от помощи Марни. Девочка немного расстроилась: разумеется, я могла ей найти любую легкую и интересную для нее помощь по дому, но рисковать в сложившихся обстоятельствах я посчитала лишним. Судя по всему, король Стефан тот еще самодур, если не сказать самодурище, лишенное всякого сострадания, поэтому подставлять мальчика, себя и слуганок, да и Марни с Леоном (а то я не знаю, как на ровном месте «возникают» в таких делах соучастники), я посчитала опасным.

Тем более пока я не вижу и не знаю всей ситуации. Расспрашивать ребенка, отправленного на каторгу, о родителях было бы по меньшей мере жестоко, а поднимать тему Вальдена с Жюли и Карлой — подозрительно. Поэтому я решила пока помалкивать и наблюдать. Делать выводы и действовать по обстоятельствам.

Обо всем этом я думала, лежа утром в постели с совершенно непривычной для меня, Ольги с Земли, изматывающей слабостью. Когда я вчера ложилась после ужина с Жюлем, смогла даже самостоятельно раздеться и вымыться. Сейчас же снова ощущала себя старой развалиной, и это бесило! Я всегда была деятельной, сильной, могла о себе позаботиться, а выданное мне тело, судя по всему, было на последней стадии издыхания.

Разозлившись на такие мысли еще сильнее, я собрала последние силы, поднялась, и тут же об этом пожалела: голова закружилась, темнота перед глазами рассыпалась мерцающими искрами, и я едва успела уцепиться за столбик кровати. Балдахин с него давно сняли, а вот столбики остались, и сейчас пришлось как нельзя в тему.

Отдышавшись и справившись с предобморочным состоянием, я чуть не закричала от отчаяния. Помогли только выработанная годами выдержка да самоконтроль.

Я справлюсь с этим, как справлялась со всем!

С предательством Никиты и его словами:

— А что ты хотела? У тебя всегда была на первом месте работа!

С жестокостью родной дочери.

С самыми тяжелыми случаями, когда я вытаскивала почти с того света самых, казалось бы, безнадежных пациентов. Когда все говорили: «Это невозможно...», а я говорила: «Возможно!» — и вытягивала. Реаниматологи в нашей больнице говорили, что я ведьма, вот только никакая я была не ведьма. Самая обычная женщина, которая с детства хотела спасать людям жизни. С тех самых пор, как никто сначала не смог поставить моему отцу правильный диагноз, а когда поставили, было уже поздно.

— Соberись, Оля! — скомандовала я себе. — Соberись и думай!

Вчера мне полегчало в саду. На свежем воздухе. И если местный воздух обладает целебной силой, значит, надо как можно больше времени проводить на улице. Можно было бы, конечно, списать мое состояние на появление мальчика, но когда он появился, я уже могла

достаточно хорошо его рассмотреть. Или же дело не в воздухе вовсе? Проверить это можно было только одним способом.

Я привыкла вставать достаточно рано, чтобы успеть собраться на смену, сделать спортивный коррекционный комплекс, выпить кофе с булочкой и при этом никуда не спешить. Похоже, эту привычку я забрала с собой в новый мир — солнце еще только-только вставало, и сейчас вряд ли кто-то в этом доме кроме меня не спал. М-да... будет трудно. Или нет?

Глубоко вздохнув, я расправила плечи. Плечи тут же скукожились обратно, отдав болью за грудиной.

— Ну уж нет!

Я доковыляла до кресла, останавливаясь, чтобы отдохнуть на каждом шагу и стараясь далеко не уходить от какой-нибудь поверхности или чего-то, за что можно зацепиться. На кресле я вчера оставила длинный, до пола халат, который сейчас и накинула поверх ночного платья.

Мне кажется, у нас подъездные старушки и то шустрее бегали, чем я сейчас. Но, сцепив зубы, я сначала добралась до ванной, где немного привела себя в порядок, затем до коридора. И дальше по тексту, до ведущих в сад дверей.

Раннее утро встретило меня бодрящей прохладой, трелями птиц, ароматной свежестью поздней весны и ярким желанием жить! В нашем городе весна задержалась, и май выдался лютый, холодный, сыпавший кусачим снегом, злым от того, что тут же растает. Здесь же тепло уже вступило в свои права, и происходящее со мной казалось дико, отчаянно несправедливым. Впрочем, я как никто знала, что увязнуть в жалости к себе проще всего, поэтому немедленно отказалась от таких мыслей.

А после мне и вовсе стало не до них: я ошиблась, сказав, что никто кроме меня здесь не спит. Сын Кристофа Вальдена сидел под деревьями, рядом с ним лежали садовые ножницы. Часть деревьев и кустов уже приняла божеский вид, не напоминая заросли джунглей. Часть еще была не подстрижена: по всей видимости, он сел передохнуть.

Он что, всю ночь здесь работал?

От этого предположения мне стало дурно, а может, и не от предположения. Рядом с ножницами валялись перчатки, куча веток была аккуратно сложена в стороне. Мальчик не видел меня, поэтому я получила отличную возможность за ним наблюдать.

Лазар-Жюль ожесточенно грыз веточку, зажатую между губами, а по его щекам бежали злые слезы. От этого мое сердце ужалило уже не физически, и я невольно шагнула вперед. Но опять не рассчитала свою немошь, ноги подогнулись, и я кулем повалилась в траву.

Земля и небо поменялись местами, а в следующий момент мальчик уже оказался рядом со мной.

— Почему вы не сказали, что все так плохо? — зло спросил он, а потом сдвинул мою ладонь, и в меня хлынуло яркое, живительное тепло.

10

Я уже принимала магию Теренса, но тогда все было иначе. Мир вокруг не просто обрел резкость, он раскрылся яркими красками, первыми лучами солнца, летним зноем и соленым привкусом океана. В своей прошлой жизни я видела его лишь однажды, ради этого пришлось лететь на другой конец света, но хорошо запомнила тот первый рассвет на пляже, когда волны ласкали пальцы ног, а в небе появлялись воздушные замки из облаков. Почему-то сила Лазара тоже напоминала океан: теплый и ласковый для меня в данную минуту. Он согревал, обволакивал, забирал боль и слабость. Если от магии Теренса я чувствовала себя так, словно... под обезболивающим или прикончившей несколько чашек кофе одновременно, то сила мальчика проникла в меня на каком-то клеточном уровне.

Исцеляя.

Я просто не могла подобрать другого слова! Но уже успела с таким столкнуться, когда лечила Марни. Разве что тогда все было наоборот — отдавала магию я. Поэтому я отпрянула от Лазара, как только ко мне вернулись силы, оттолкнула его ладонь, хотя всем своим существом противилась этому. Это было как оторваться от чистого родника, когда умираешь от жажды!

— Нет, — пробормотала я и впервые поняла, что мой новый голос больше не хриплый, не каркающий, грудной и очень даже красивый. Да и двигалась я теперь шустро: села, и даже нигде ничего не прострелило. — Ты не должен расходовать на меня свою магию.

— Расходовать? — нахмурился мальчишка. — У меня ее много. Я дракон.

Ты ребенок.

Мне пришлось прикусить губы, чтобы этого не произнести вслух и случайно его не обидеть. Я сказала:

— Это не отменяет того, что она твоя и в ограниченном количестве.

— Снова диковинно выражаетесь, — скривился он. — Вы не выдали меня и пообещали кров и еду, так почему отказываете мне в возможности оплатить вам тем же?

— Ты мне уже отплатил, — я обвела руками сад. — Ты привел в порядок все это.

— Не привык сидеть без дела, — пожал плечами Лазар и попытался незаметно стереть следы собственных слез с чумазого лица. Получилось, что только сильнее все размазал. А у меня сердце обливалось кровью от его напускного безразличного тона. Потому что безразличием там и не пахло.

Невзначай брошенная фраза рассказала о нем больше, чем можно представить. Отвергнутый своей семьей, своей страной, этот храбрый маленький мужчина жаждал быть нужным. По удивительной иронии судьбы, я понимала его как никто другой. Лучше, чем кто-либо. Моя семья тоже от меня отказалась, хотя я, как Лазар, делала для них без преувеличения все. Как умела, насколько меня хватало, но делала. И если это оставило такую кровоточащую рану на моем сердце, сердце взрослой, самостоятельной женщины, то что говорить о ранимой душе ребенка?

— Спасибо тебе, — совершенно искренне произнесла я. Будь моя воля, обняла бы его крепко-крепко, но что-то мне подсказывало, что мне этого не позволят. — За сад и за магию.

Он подскочил на ноги и помог мне подняться. Это получилось легко, как в юности. Мое тело на Земле, конечно, было гораздо более здоровым и выносливым, чем рассыпающийся организм Оливии, но иногда от усталости болела поясница, и я уже не была такой гибкой, как раньше. Сейчас же на контрасте с беспомощностью я словно обрела крылья за спиной.

— Этого достаточно? — серьезно поинтересовался Лазар. — Потому что я могу еще...

— Я чувствую себя прекрасно, — кивнула я. — Это лучшее, что ты мог для меня сделать. Впервые на лице мальчика появилась робкая улыбка.

— Тогда завтра.

Я представила, как буду отнимать у ребенка жизненные силы, и мне стало нехорошо.

— Лазар... Жюль, разве тебе это не повредит? Я не могу забирать у тебя магию.

— Я дракон, — повторил он и добавил важно: — Мы рождены из магии. Не спорьте, вам же нужно восстанавливаться после извлечения искры.

Доктором здесь была я, но сейчас почувствовала себя пациенткой, которая отказывается принимать лекарство и выполнять рекомендации врача.

— Тогда давай обсудим условия, — предложила я. Мой мозг по-прежнему твердил, что передо мной ребенок, но стоило признать, что мне нужна его помощь, а ему — ощущать себя нужным. Мы нуждались друг в друге, как океан и берег. Поэтому я сдалась. — Ты будешь вливать в меня магию по чуть-чуть, не сколько не жалко, а сколько тебе не повредит.

Я строго посмотрела на мальчика.

— Если узнаю, что отдаешь больше, чем можешь, то нашей сделке конец.

— Я не мой отец, чтобы нарушать данные обещания, — прищурился Лазар.

А я подумала, что, возможно, мне поможет не только его магия, но и он сам. Потому что этот мальчик, кажется, лучше всех знал королевскую семью и мог рассказать мне, чего ждать от бывшего мужа. Восполнить все пробелы в моей памяти.

Я собиралась неукоснительно соблюдать магическую диету, а также больше спать, много гулять и делать все, чтобы поскорее восстановить тело Оливии. День получился восхитительным: я сделала легкую гимнастику, поработала в саду с цветами и помогла девушкам по дому. Хотя меня всячески пытались спровадить отдыхать, потому что не барское это дело. То есть не господское. Вместе с физическим состоянием улучшилось и мое настроение, мне не хотелось мерзнуть, я не чахла от депрессии. В кои-то веки мне хотелось жить и наслаждаться моей новообретенной жизнью, что я и делала.

А поздним вечером Марни привела старушку и попросила исцелить бабушке глаза.

11

Стефан

— Ты снова хмуришься, — Валери провела пальцами по его лбу, словно пытаясь разгладить собравшиеся на нем складки. — Кто или что тебя беспокоит, мой король?

Обычно ему нравилось, когда она так говорила. Особенно это ее «мой король», произнесенное грудным низким женским голосом, без капли жеманства. Валери Ольсон де Эри словно создавали под него. Двадцать три года, пламенные как огонь волосы, ярко-синие глаза, пышная грудь. Не считая внешности, она обладала умением поддержать беседу на любую тему, не стеснялась неженских разговоров и отказывалась смущаться там, где прочие благовоспитанные девицы смущенно опускали глаза и краснели.

К ее отцу сваталось не меньше десятка сильнейших аристократов (отправляли запрос на совместимость искры), но он всем отказал. Сказал:

— Моя Валери будет выбирать сама, когда повзрослеет.

Благо, генерал де Эри мог себе такое позволить. Он придерживался новомодных нравов о том, что женщина должна выбирать сама. Что же касается Валери, она повзрослела и сказала:

— Я выйду замуж за нашего короля или не выйду вовсе.

Когда она впервые была представлена ко двору, пять лет назад, размолвка между ним и Оливией уже давно перестала быть тайной. Сама размолвка, ее серьезность. То, что королева угодила в немилость, звучало на каждом углу, но все равно это было дерзко.

Ему донесли об этом, и Стефан пригласил ее на танец на следующем же балу.

— Премного наслышан о вашем выборе, — холодно произнес он, когда вел ее в танце по залу.

Валери не отвела глаз:

— Значит, вы знаете, что я выбираю все самое лучшее.

Это было еще более дерзко, и Стефан намеренно жестко сдвинул хрупкое запястье. Не до боли, но ощутимо.

— А что насчет вас, Валери? До вас уже дошли слухи, что меня называют чудовищем?

— С чудовищами гораздо интереснее, мой король, — произнесла она и улыбнулась. Тогда она впервые назвала его так, и на щеках ее появились ямочки.

Спустя пару месяцев их общения Стефан впервые задумался об извлечении искры. В его жизни было много фавориток и до женитьбы на Оливии Веттивер, и после, но Валери заинтересовала его иначе. В ней не было напускной скромности, но и распутства. Она не пыталась его соблазнить, их встречи были лишены интимной составляющей, и вскоре по дворцу уже ходили слухи, что у Рована будет новая королева.

Тогда Оливия как с цепи сорвалась. Хотя не имела на это ни малейшего права. Не замечавшая до этого ни одну из его любовниц, она превратилась в совершенно невыносимую женщину, страдающую приступами ревности. Именно это и не давало сейчас Стефану покоя.

Когда они виделись последний раз, в ее глазах не осталось ровным счетом ничего от той женщины, которую он знал. Она выглядела жутко, даже по сравнению с той истеричкой, которую он выслал из дворца, но... смотрела в упор и тоже не отводила глаз. Так, как Оливия никогда не смотрела. Близость смерти или что-то иное?

«Я ничего не помню».

Возможно, он рехнулся, если сейчас думает об Аглае Эрхольд. Императрица Вейсмейстрии оказалась иномирянкой, застрявшей в теле супруги известного на весь мир самого молодого императора Натаниэля Эрхольда. Возможно ли, чтобы такое же произошло с Оливией? Она умирала, как сказала перепуганная служанка. Но, когда Стефан прилетел в поместье, застал бывшую жену отмокающей в ванной. Живую.

«Вас расстроил этот факт?» — поинтересовалась она и наградила его тем самым взглядом.

Прямым, в упор.

Сейчас Стефан уже жалел, что не задержался подольше и не понаблюдал за ней. Не спросил прислугу, что же на самом деле произошло, но раздражение и злость при виде Оливии никуда не делись. Стоило ему ее увидеть — и все вспыхнуло вновь. Все чувства, которые он так старательно пытался вытравить из себя, потому что тратить на эту женщину даже толику раздражения — слишком большая честь!

— Неважно, — коротко отозвался он, перехватывая запястье Валери. — Сейчас уже неважно.

— Хорошо, — она никогда не настаивала, и сейчас не стала.

Стефан же снова поморщился: раньше, когда Валери садилась к нему на колени, просто садилась — между ними по-прежнему ничего не было, и это будоражило сильнее ласк самой опытной любовницы, он испытывал желание. Смахнуть разделяющую их преграду одежды, сделать ее своей, но сейчас этого желания не было, и это раздражало чуть ли не сильнее последней встречи с Оливией, самой Оливии, всего, что связано с Оливией так или иначе.

Она была и оставалась единственной, кто мог вывести его на эмоции на ровном месте, и за это Стефан ненавидел ее еще сильнее. За это и за то, что она сделала.

— До того, как ты подаришь мне частичку себя осталось совсем чуть-чуть, — произнесла Валери, — и я волнуюсь. Я никогда ни о чем так не волновалась, Стефан, как о том, смогу ли я принять твою искру. Стать твоей Искрой...

Он хотел сказать, что их совместимость — установленный факт, а значит, все будет хорошо. Но не успел: в дверь постучал Корви, его секретарь, и Валери мгновенно вспорхнула с его колен. Пересела в кресло, стоящее по ту сторону стола. С таким скупающим видом, будто минуту назад не перебирала его волосы.

— Ваше величество. Прошу прощения, что прерываю вашу беседу, но к вам ректор воспитательного интерната. Говорит, дело срочное.

— Пусть заходит. — Он кивнул Валери, и та поднялась. Присела в реверансе.

— До встречи, ваше величество.

Стоило ей покинуть кабинет, как Корви снова отворил дверь, пропуская вперед мужчину с военной выправкой. Когда-то Адам Равэй действительно был военным, но это было давно. Получив ранение, он был назначен ректором воспитательного интерната для мальчиков. В этом заведении оказывались особо опасные подростки, и среди них — Лазар Вальден.

Стоило об этом подумать, как раздражение снова царапнуло изнутри ржавыми когтями и ядом ярости разлилось по сердцу. Он видел своего племянника один-единственный раз. Сразу после рождения.

Правда, помнил все, как сейчас: и спящего младенца, которого держал на руках Вальден, и насмешливый взгляд убудочного братца-бастарда.

— Если твой выродок когда-нибудь узнает правду, — сказал ему Стефан тогда. — Я вас уничтожу. Обоих.

— Ваше величество, — из размышлений его вырвал голос ректора, — у меня плохие новости. Ваш племянник сбежал.

12

— Бабушка всегда была деятельной, помогала нам с папой в лавке, а теперь не может даже ходить без чужой помощи. И я вижу, как ей тяжело от этого. Она чахнет и угасает. Но они с папой — моя единственная родня. Папа сказал, что я бы умерла, если бы не вы. Или стала безумной. А вы сотворили чудо!

Старушку я понимала отлично. Сама столкнулась с тем, что деятельная я превратилась в развалину. Для трудоголика нет ничего ужаснее безделья. Мы сразу чувствуем себя бесполезными. А еще я была доктором. Однажды я выбрала эту профессию, этот путь, потому что хотела спасать людей. Теперь же вынуждена была отказываться от своей главной жизненной миссии, от своих принципов в пользу своего здоровья и здоровья Лазара. Кислородную маску сначала на себя, затем на других. Я не смогу творить добрые дела за счет мальчика, каким бы самоотверженным маленьким драконом он ни был!

Марни заметила, как я покачала головой, и впихнула в мои ладони небольшой мешочек: гораздо меньше того, что Жюли отдала Теренсу, но в нем знакомо звякнули монеты.

— Я заплачу! Это мои деньги, мое приданое. Когда я обращалась к господину лекарю, он надо мной посмеялся. Сказал, что его услуги стоят дороже. — В глазах девочки заблестели слезы. — Но это все, что у меня есть. Бабушка и папа — все, что у меня есть!

Она шмыгнула носом, видимо, чтобы не расплакаться. Удивительно, Наташа мне все детство и будучи подростком закатывала истерики со слезами и соплями. Но обычно это касалось нового телефона или поездок с друзьями за границу. Я мало что ей запрещала, может, поэтому моя дочь выросла такой избалованной. Но я даже не могла представить, чтобы Ната просила что-нибудь для других. Обычно все касалось ее.

Марни не устраивала истерик, она просто просила за другого человека, возможно, поэтому отказать ей было гораздо сложнее, чем собственной дочери. Наташа могла обойтись без нового телефона, а вот Марни боялась потерять бабушку.

Я оглянулась на старушку, которая расположилась в кресле возле камина, но явно чувствовала себя неловко и подслушивала наш разговор. Она не вмешивалась, потому что тоже надеялась. Уверена, бабушка долго отказывалась и отговаривала внучку, но надежда — она такая. Поэтому пожилая женщина поддалась на провокацию Марни и ждала моего приговора.

А я... Мне безумно сложно было его озвучить! Несмотря на то, что прекрасно понимала всю серьезность ситуации, в которой оказалась сама.

Я вернула Марни мешочек и накрыла ее руки своими:

— Я тебя понимаю, дорогая. Будь у меня возможность, я бы помогла твоей бабушке. Но когда я спасала тебя, у меня была магия от Теренса, сейчас у меня просто нет столько сил. Все уходит на то, чтобы самой держаться за эту жизнь. Прости меня.

— Я все понимаю, — грустно улыбнулась Марни. — И благодарю вас, госпожа Оливия. За то, что выслушали. Скажите, я могу прийти к вам позже?

— Можешь, — кивнула я. — Если мне станет легче, я буду ждать вас с бабушкой у себя.

Я ни разу не покривила душой: будь во мне много магии, я бы продолжила медицинскую практику. Этому городку явно нужен нормальный доктор, а не доморощенный крохобор.

— Госпожа Оливия, — позвал меня из-за двери Лазар. Марни вытянула шею, чтобы его рассмотреть, но он прятался в тени, не позволяя девочке удовлетворить любопытство. — Можно вас на минуту?

— Подожди меня здесь, — попросила я Марни, а сама вышла за дверь и зашипела на своего тайного гостя: — Ты что здесь делаешь? Я же велела тебе ждать в комнате, пока у меня гости!

Я нервничала и злилась. Злилась по поводу ситуации с Марни и ее бабушки, от того, что не могу им помочь. Но еще больше я волновалась за ребенка, стоящего передо мной и глядящего исподлобья. Не из-за магии волновалась, нет, а из-за него самого. Если его как сына государственного преступника отправили на рудники, то сложно представить, что бывший Оливии сделает с Лазаром за побег и убийство стражника!

— Почему вы им отказали? — спросил мальчик, напрочь игнорируя заданный вопрос. Я уже поняла, что послушным этот дракон был, когда ему было выгодно, а когда невыгодно, его хоть в подвале запри — убежит!

— Потому что у меня нет магии. — Мне пришлось понизить голос до шепота, чтобы Марни нас не услышала.

— Но она у вас есть, — вздернул он бровь, словно говоря, что обманывать пациентов и будущих пациентов нехорошо.

— Она твоя, — напомнила я.

— Вот именно, и только мне решать, как ей распоряжаться. Я хочу, чтобы вы помогли старушке.

Что за дети пошли? Этот гораздо больше был похож на мою Наташу, и я поняла, что не могу отказать. Да и не хочу, наверное. Я никогда не могла отказать пациентам, хотя именно это рассорило меня с дочерью и мужем. Разве что моя семья хотела, чтобы я уделяла им больше внимания, а Лазар буквально вынуждал меня начать свою практику в этом мире.

— Я помогу им, если пообещаешь больше не высовываться, — сказала я.

— Клянусь, — без размышлений кивнул он. — Но, кажется, девочка меня видела.

Это могло стать проблемой, но я верила, что Марни хорошая девочка и не станет рассказывать про моего гостя, если я ее попрошу.

Я очень на это надеялась.

Я не была хирургом-офтальмологом, но оказалось, что для магии достаточно банального знания анатомии. Можно было влить в пожилую женщину магию, как это делали для меня Теренс и Лазар, и тогда бы она стала такой же зависимой от фантомной силы. Такой способ вернул бы бабушке Марни зрение на небольшой срок. Я решила идти другим путем, по сути устранить проблему тем же способом, что я излечила рыжую девушку. Хирургическим. Хотя в данном случае вернее было сказать — магическо-хирургическим.

Пожилую женщину звали Роза, и у нее была катаракта. В своей жизни я провела множество операций, но ни одной на глазах, поэтому нервничала как первый раз. Оказалось, что достаточно знать принцип: магия подчинялась моим мысленным приказам и словно была третьей рукой или волшебным скальпелем. Впрочем, операция заняла гораздо больше времени, чем я потратила в свое время на Марни, и в конце я вся вспотела от дичайшего напряжения. Пока оперировала, а затем по капельке вливала магию, заживляя ткани.

Завершив, я наложила на глаза Розы темную повязку (после того, как она долгое время не видела, свет мог казаться ей слишком ярким) и проинструктировала Марни, как ухаживать за бабушкой. Заодно и попросила, чтобы она никому не рассказывала ни про чудесное исцеление Розы, ни про то, что у меня появился еще один помощник.

— Я не обмолвлюсь об этом ни словом, — поклялась Марни и попыталась вновь вручить мне мешочек.

Я не взяла. Это была оплата Лазара, но я была уверена, что этот мальчик не возьмет с нее последние деньги. Не такой он.

— Лучше позаботься о себе и своих родных, — посоветовала я.

13

Почти неделю мы жили спокойно. К нам никто не приходил, я занималась приведением в порядок тела Оливии, дома и сада. Да, после помощи Лазара я не собиралась сидеть на месте, поэтому помогала снимать занавески, протирала пыль и работала в саду. Сначала девушки смотрели на меня во все глаза, но, когда я заявила, что так чувствую себя живой, расслабились, закивали и больше не задавали вопросов.

Мне же действительно это было нужно, чтобы начавшее дряхлеть тело понемногу приходило в форму. Разумеется, я не перенапрягалась. Мое утро начиналось с легкой зарядки, которая помогала проснуться. Потом я совершала все туалетно-помывочные процедуры, после чего занималась цветами или просто отдыхала в парке — в зависимости от того, как себя чувствовала. А чувствовала я себя с каждым днем все лучше. Магия Лазара исцеляла во мне то, что должно было быть исцелено: с ее помощью я провела самодиагностику и могла работать с теми органами и системами, которые были истощены больше всего.

Понемногу, раз за разом, я устраняла то, что чуть не убило Оливию, и чем больше я восстанавливала, тем легче было вставать по утрам. Разумеется, заниматься собой было сложнее, чем кем-то другим: это почему-то требовало больше сил, но я не жаловалась. Главное, что я знала, с чем работать, видела это и могла примерно представить, что через месяц-полтора такого исцеления буду абсолютно здорова. Само знание этого добавляло плюсики в копилку моего исцеления. Да и в целом сейчас мне было так хорошо, как уже давно не было.

Вечерами мы с Лазаром гуляли по парку, утром завтракали вместе. Понемногу замкнутый, нелюдимый ребенок раскрывался, как весенний бутон. Жюли и Карла оказались замечательными девушками и всячески его баловали. Карла, которая готовила вкуснейшее печенье, с утра собирала ему целый кулек. Жюли сшила ему новую рубашку и брюки, а сейчас шила камзол: одежды для мальчика у нас по понятной причине не было, а покупать новую пока было бы подозрительно. К счастью, если Лазара и искали в городе, до нас пока не доехали, но теперь, когда я обрела уверенность в том, что скоро встану на ноги, все это представлялось пустяком. Я была уверена, что справлюсь со всем, и, если бы не мысли о Наташе, наверное, я бы была абсолютно счастлива.

Поэтому когда одним прекрасным теплым утром в сад прибежала Жюли и доложила, что ко мне с визитом господин Теренс, я решила принять его прямо здесь.

Хлыщеватый так называемый доктор протоптался прямо по газону, чем заслужил взгляд в стиле Ивана Васильевича, интересующегося, как царю подают челобитную: я терпеть не могла, когда кто-то проявляет неуважение к природе, к моему труду и ко мне. Впрочем, Теренс и в прошлый раз не особо старался, но тогда у меня во рту еле ворочался язык, сейчас же с ним все было в порядке. Поэтому первым делом я сказала:

— Сойдите на дорожку, пожалуйста.

— Что? — не понял целитель.

— Вы стоите на газоне.

— Ах, да, — он сделал вид, что так и должно, и сошел с травы на выложенную камнем тропинку. Кое-где камней уже не было, кое-где они топорщились в разные стороны, как готвящиеся вот-вот смениться молочные зубы пятилетки. Ее бы не помешало привести в порядок, но пока имелось то, что имелось. Не все сразу.

— Вижу, вам стало лучше, — заслоня ладонью лицо от солнца, произнес так называемый лекарь.

— Все правильно видите, — он мне не нравился, и я изо всех сил старалась не быть саркастичной и грубой. Получалось как получалось.

— И что же стало тому причиной, позвольте полюбопытствовать?

— Свежий воздух, — я поднялась и расправила плечи. — Прекрасное место, где я живу.
— Это? — Теренс скривился, как будто съел что-то кислое.

Согласна, снаружи дом все еще выглядел не очень, но внутри уже начал облагораживаться. Во-первых, мы выкинули весь хлам, все то, что поела моль, и то, что уже нельзя было спасти. Во-вторых, по мере того, как отмывалась комната за комнатой, становилось легче дышать. Коридоры стали более светлыми, комнаты — уютными и просторными (старую негодную мебель мы тоже не пощадили). А это уже полдела.

— Да. Свежий воздух, дивный сад... мой бывший супруг сделал мне королевский подарок, поселив меня здесь.

Теренс посмотрел на меня так, будто сомневался в моем рассудке.

— Раньше вы так не думали, — хмыкнул он.

— Раньше я предпочитала концентрироваться на плохом. Сейчас все иначе.

— Хм. Гм. Хм, — он явно не представлял, как себя вести со мной новой, поэтому потоптался на месте, а после выдал: — Вообще-то я рассчитывал, что вы примете меня в спальне. На крайний случай, в своем кабинете, чтобы я мог вас осмотреть и убедиться, что с вами все в порядке.

— Со мной все в порядке, — ответила я. — Можете не переживать.

— Не могу. Если с вами что-то случится после моей магии, вопросы у его величества будут ко мне.

Я вздернула бровь. Лично у меня вопросов к нему не было, кроме одного: как он получил лицензию лекаря, но я не стала его задавать.

— Обещаю, вопросов не возникнет, — произнесла я.

— Я вынужден настаивать, — Теренс шагнул ко мне, — помимо его величества, существует еще моя врачебная репутация. Я должен вас осмотреть!

Я отдернула руку за секунду до того, как он бы ее коснулся. Не доверяла я этому хлыщу от слова совсем!

— Я прошу вас уйти, — сказала еще жестче. — Со мной все в порядке, в ваших услугах я не нуждаюсь.

Лицо Теренса изменилось, в один момент из холено-лощеного становясь каким-то хищно-крысиным.

— Вы что-то скрываете, — произнес он. — Вы были на грани смерти, а сейчас...

— Помилуйте, — перебила я. — Вы только что выразили сожаление, что бывшая королева не умерла?

Недоцелитель открыл рот. Потом закрыл. Видимо, понял, что со мной ему не тягаться: по крайней мере, в словесных битвах.

— Вы оказывали помощь ребенку и пожилой женщине, не имея на то никакого права! У вас нет лицензии! Они могли пострадать, могли умереть, и я этого так не оставляю. Я напишу куда следует. — Он говорил это свистящим шепотом из-за чего становился все больше похожим на крысу. Хотя что это я. Не стоит оскорблять крыс.

— А вы вливали меня магию, которая придавала мне сил, совершенно не пытаясь исцелить повреждения внутренних органов, спровоцированные извлечением искры. Что только чудом не привело к смерти, — парировала я. Спокойно, хотя меня уже трясло от злости, потому что я знала, что привело. Оливия покинула этот мир, а я в ее теле выжила только чудом, только благодаря Лазару. — Вы допустили это, имея лицензию. К кому, говорите, стоит обратиться, чтобы по вашей душе пришла проверка?

Теренс сначала побледнел. Потом покраснел.

Потом развернулся и вылетел из сада. Я надеялась, что с такой же скоростью он вылетит из моего дома, но эта победа не означала, что горе-лекарь не вернется снова. Он узнал о том, что я помогла Марни и ее бабушке. Либо девочка не сдержала слово, либо Роза, как и все

бабушки во всех мирах очень любила поболтать с соседками. Или Леон рассказал друзьям о чудесном исцелении дочери?

Да что толку теперь гадать и какая разница. Он знает — и точка. А это значит, что мне нужно получить лицензию, если я и дальше хочу помогать людям.

А я очень хочу. И буду.

С этой мыслью я и направилась в дом, чтобы узнать, сколько в этом мире нужно учиться на врача.

14

На мой вопрос об учебных заведениях, в которых готовят будущих целителей, Жюли недоуменно округлила глаза.

— Школы целителей? Впервые о там слышу, госпожа! Если такое и существует, то за пределами Рована.

— Как же становятся докторами?

Кажется, я совсем сбила с толку девушку, потому что она расстроено покачала головой.

— Я не знаю... — Жюли вдруг просияла и выдала новую идею: — Но вы можете спросить у господина Теренса. Он наверняка расскажет, где учился!

За деньги этот хмырь даже семейные тайны выдаст! Хотя я бы не стала ему верить. Не после того, как господин целитель увидел во мне конкурентку его промыслу. Прискакал он быстро и уже угрожал пожаловаться. Пожалуетса ли? Я не знала. Но, кажется, у меня получилось его припугнуть проверкой. Никто их любит, ни в одном из миров. Значит, у меня есть фора, чтобы все выяснить насчет лицензии.

— Ты же знаешь, Жюли, что пока я не могу себе позволить услуги господина Теренса.

Улыбка девушки погасла. Она закусила губу и задумалась.

— Может, об этом есть что-то в библиотеке?

— А где она находится?

Я уже была готова идти в город, но Жюли меня удивила:

— Так в западном крыле! Когда же к вам вернется память, госпожа Оливия?

Вопрос был риторическим. Потому что она могла «вернуться» ко мне исключительно со знанием подробностей жизни моей предшественницы. Мне бы не помешало, если бы Оливия вела какой-то дневник, но кроме подвески с секретом я больше никаких настолько личных вещей женщины не нашла.

Оливия точно бы помнила, что в каждом доме уважающего себя аристократа есть библиотека. Как среднестатистический современный человек, жилище которого ограничено семьюдесятью квадратными метрами, я не подумала об этом сразу. В моем мире за такой информацией обращались либо к интернету, либо к Алисе.

Кухня, моя спальня, гостиная все жилые помещения находились в восточной части особняка, до западной части мы с уборкой еще не дошли — дом действительно был огромным. Я подозревала, что там все в еще худшем состоянии, но реальность оказалась не настолько страшной. Пыльно, но не смертельно. Библиотека оказалась большой и светлой, с множеством стеллажей и заставшими на них фолиантами.

Я всегда любила книги, поэтому это место показалось мне уютным и каким-то волшебным, пахнущим чернилами и знаниями. Оказалось, не только мне, потому что на широком подоконнике с распахнутыми настежь окнами, в которые цветочными ароматами и жужжанием пчел и шмелей врывалось раннее лето, сидел Лазар. Он привалился к оконной раме, подложив пыльную подушечку под лопатки, и читал. Настолько увлеченно, что даже не заметил меня.

— Почему я даже не удивлена? — рассмеялась я.

Мальчик вздрогнул, быстро захлопнул пухлый томик в коже.

— У меня перерыв, — попытался оправдаться он, но я выставила ладони вперед.

— Все в порядке, Жюль. Ты достаточно много работаешь и помогаешь мне. Главное, не читай ночью, глаза испортишь.

Я повернулась к стеллажам, чтобы не смущать Лазара. С памятью Оливии было все сложно, но, по крайней мере, я понимала речь и грамоту. Не на всех корешках были названия, но те, что были, я смогла разобрать. Например, «История Рована. Том одиннадцать».

Я попыталась понять, если здесь какой-то каталог, но Лазар уже спрыгнул с подоконника и встал рядом со мной.

— Вам нужна помощь?

— В твой перерыв...

— Он уже закончился, — перебил меня мальчик, и я тяжело вздохнула. Без посторонней помощи здесь было не обойтись.

— Я узнала, что для официальной целительской практики мне нужна лицензия. Осталось выяснить, как ее получить.

— Ее выдает сам король Стефан.

Вот тебе и получи кирпичи, Оля!

— Стефан?! — ахнула я. Моя встреча со Стефаном была незабываемой. Из разряда, хотелось бы забыть, но не получалось.

— В Роване так, — кивнул Лазар. — В других странах, возможно, иначе, но я ни разу не бывал за границей.

— Кажется, мне не нужны книги, — я указала на пыльные фолианты. Некоторые были непыльными, выделяясь более темной обложкой — так можно было отследить, какие томики мальчишка успел прочитать. — Ты просто кладезь информации. Расскажи, что ты знаешь о целителях? Как им можно стать?

— О целителях? — почесал затылок Лазар. — Не так уж много...

«Не так уж много» для меня оказалось «о-го-го как много». Никаких медицинских школ в Роване не существовало. Человеку, открывшему в себе целительский дар, необходимо было идти в ученики к опытному целителю. Учиться, учиться, учиться, а затем сдавать экзамен этому целителю. Если мастер убеждался в том, что его ученик готов, он составлял подробное рекомендательное письмо с экзаменационной оценкой, и вместе с этим письмом будущий целитель ехал во дворец. На словах просто, на деле...

Я не могла покинуть поместье. Потому что, во-первых, мне это было запрещено, во-вторых, я не собиралась бросать Лазара.

Я не хотела учиться у Теренса. Как доктор он так себе. А если бы и хотела... Что-то подсказывало мне, что учеба у него будет стоит как мое поместье в лучшие времена, но у него я никогда не сдам этот экзамен.

Что мне в итоге оставалось? Пригласить другого, нормального целителя сюда, и уговорить его взять меня в ученицы.

— Скажи, тут есть списки ныне живущих целителей Рована?

— Есть, — к моему облегчению кивнул Лазар и уже кинулся искать этот справочник.

О том, как буду получать лицензию у бывшего мужа, я решила подумать потом. Не зверь же он, оказывать мне в такой малости?

15

Странная весенне-летняя яблоня «родила». Крупные наливные яблоки созрели и так и манили их попробовать, и это была первая хорошая новость. В противовес ей Теренс распустил по городу слухи, что я лечила без лицензии, и что обращаться ко мне опасно. Об этом мне с сожалением рассказала Марни.

— Мы-то с папой знаем, что это не так, — грустно призналась девочка. — Но остальные...

Впрочем, мне вряд ли светила врачебная деятельность. Я прекрасно понимала, что такое лицензия, знала, что на любую новую специализацию надо учиться. В экстренном случае с Марни у меня не было выбора, а во время работы с Розой магия Лазара словно направляла меня. То же самое было и с самоисцелением, тем не менее я действительно планировала пройти местное магическое обучение, но...

«Сожалею, но я не смогу вам помочь. Вы слишком далеко находитесь...»

«Мне придется оставить практику, чтобы обучать вас, если вы готовы заплатить мне тысячу золотых монет, я рассмотрю ваше предложение в течение полугода».

«К сожалению, я не смогу вам помочь...»

«Чтобы вас обучать, я должен получить специальное разрешение вашего бывшего супруга. Как только оно у вас будет, напишите мне снова».

Сожалею, сожалею, сожалею... вынужден вам отказать, не смогу, приходите позже...

На все мои письма целители отвечали отказом, но, каждый раз вскрывая новое письмо, я надеялась. На то, что кто-то согласится. Сможет обучить меня не за стоимость крыла от Боинга. Что кто-то не испугается гнева моего венценосного супруга: ведь рекомендательное письмо и оценка будет подписана целителем, и его величеству станет известно, кто обучал опальную бывшую королеву.

С каждым днем надежды становилось все меньше, и это злило. Злило, что я не могу помогать людям, хотя хочу и умею... Господи, да я с пяти лет знала, что хочу быть врачом! Хочу спасти жизни! С того самого дня, как никто не смог помочь моему отцу!

Что я вынуждена сидеть тут и ждать чьей-то милости, пока Теренс тянет из людей деньги, но ничем им не помогает. Сначала я думала, что это только мне так повезло в моей ситуации, что он вытягивал из Оливии остатки содержания бывшего мужа, но, по словам Марни, он так лечил всех. Выдавал магию, которая приносила временное облегчение — кому-то надолго, кому-то не очень, лечил симптоматику, совершенно не пытаясь найти причину.

Это злило еще сильнее. Настолько, что я готова была лично ехать к бывшему и просить его о том самом рекомендательном письме, но... меня останавливал Лазар. Марни рассказала, что по городу рыскали солдаты, искали «какого-то сбежавшего паренька», и я просто не смогла уехать.

Оставить Лазара на Карлу и Жюли? Можно, конечно, они девушки хорошие, но если речь пойдет о жизни и смерти (за сокрытие парня уже грозили судом со всеми вытекающими), я не была уверена, что они смолчат.

Впрочем, среди всего этого была и вторая хорошая новость: тело Оливии восстанавливалось, и с каждым днем все быстрее и быстрее. Мне все реже требовалась магия Лазара, все чаще я справлялась своими силами, а вызванное извлечением искры старение обратилось вспять. Когда я в последний раз рассматривала магическую проекцию собственного тела, ни в органах ни в тканях не осталось темных пятен. Я думала, что лечение затянется до конца лета, но шел еще только первый месяц, а я его уже почти завершила.

Сейчас оставалось только наблюдать и поддерживать, и это, вне всяких сомнений, меня радовало. Как и отражение в зеркале. Сейчас на меня оттуда смотрела жизнерадостная, полная

сил молодая женщина, как говорится, в самом соку. Волос у меня стало побольше, кожа перестала выглядеть как растрескавшаяся ваза с археологических раскопок и засияла, глаза тоже, ушла призрачная резкость скул и подбородка. Да и в стратегически важных женщине местах все округлилось.

Совместно с Жюли мы переделали мой гардероб, и теперь у меня было три приличных платья, в которых не стыдно показаться на люди. В одном из таких я и была сегодня: бледно-зеленого цвета, с отлично сохранившейся золотой вышивкой и кружевами оно подчеркивало мою фигуру и придавало мне свежести.

— Оливия, вам письмо принесли! — В комнату впорхнула Жюли и протянула мне конверт.

Мы с девушками договорились, что никаких «госпожей», поэтому все в поместье называли меня исключительно по имени.

Я взяла из ее рук письмо и прочла: *«Целитель Дэмиан Ландар, провинция Сурей»*.

Очередной отказ? Ладно, переживу. Некоторые вообще ничего не отвечали. Я взяла с туалетного столика нож для бумаги и вскрыла конверт.

«Доброго дня, уважаемая Оливия Веттивер.

Ваше письмо глубоко задело меня, и я готов прибыть к вам для обучения в середине лета. Дайте знать, если настроены серьезно, и я тотчас соберусь в путь.

Дэмиан Ландар».

Я перечитала письмо несколько раз, чтобы удостовериться, что у меня не глюки. Что я не выдаю желаемое за действительное, что этот Дэмиан... действительно готов ко мне приехать?!

— Что? Что там? — с любопытством спросила Жюли.

— Меня готовы обучать! — воскликнула я, все еще не веря собственному счастью.

— Ах, радость-то какая!

Служанка всплеснула руками, на лице ее светилась искренняя радость. Настолько искренняя, что я не выдержала, завизжала от радости, чего не позволяла себе, наверное, со времен студенчества, и бросилась ее обнимать. На мой крик и наше веселье прибежал Лазар и, когда узнал в чем дело, тоже засветился от счастья.

На такой радостной ноте мы все отправились ужинать, а после мне бы стоило готовиться ко сну (для скорейшего восстановления перед сном я отдыхала, а ложилась достаточно рано), но новость меня ошеломила и взбудоражила. Я понимала, что даже если лягу, буду изображать лягушку на вертеле.

— Напишу ответ, завтра же утром надо будет отнести его в город.

— Отнесу! — с готовностью вызвалась Карла.

— А после пойдем собирать яблоки, — я кивнула Лазару. — Надо их наконец-то попробовать.

— Если не понравятся — сварим варенье, — хмыкнула Жюли.

— Что значит — если? Вы их разве не пробовали?

Все уже привыкли, что у Оливии проблемы с памятью, поэтому больше никто не удивлялся.

— Нет, — махнула рукой служанка, — она плодоносит первый год. До этого засыхала стояла, мы думали, помрет...

«Как Оливия».

Странная мысль пришла и ушла, сменившись воодушевлением. Я побежала писать Дэмиану ответ, а после — в парк. Лазар должен был принести корзины, а я сорвала одно яблоко и поднесла его к лицу. Аромат от плодов шел такой, что просто голова кружилась. Я знала, как пахнут настоящие, органические яблоки, но это не шло ни в какое сравнение.

— Сдается мне, до варенья вы не доживете, — пробормотала я, и тут по моей коже прокатилась волна пламени.

Я вскинула голову, и яблоко выпало из моих рук. Покатилось по траве прямо к сапогам стоявшего напротив меня Стефана Равьера.

Часть 2. Королевский кошмар. 1

Король Рована и бывший супруг Оливии запомнился мне пугающим обладателем магии и настоящим козлом. Но в нашу единственную встречу я была не в состоянии нормально его рассмотреть: сил у меня тогда было как у новорожденного котенка. Теперь же все изменилось: мне не грозило упасть к его ногам от бессилия, зрение у меня стало даже лучше, чем было на Земле.

Король в своих темных одеждах в моем цветущем саду смотрелся словно вырванным из контекста, мрачным и чужеродным. Ему бы больше подошел замок с острыми пиками, а не сочная зелень и золотые облака в теплых лучах заката. Казалось, даже мягкие пастельные краски не способны смягчить его темный «злодейский» образ. Густые растрепанные волосы, волевой подбородок, тонкие губы, глаза, в которых плещется сила могущественного дракона.

Что тогда, что сейчас, Стефану удалось заставить меня врасплох. Только если в прошлый раз я испугалась, что этот грубый незнакомый мужчина меня раскусит, догадается, что перед ним другая женщина, то теперь я прекрасно знала, что плевал король Рована на свою бывшую королеву с высокой башни своего черного замка (на что угодно готова поспорить, место его обитания именно такое!). Двадцать лет в браке убедили меня, что мужчины бывают слепы по отношению к своим женам и их чувствам. Слепы и жестоки. Мой муж завел любовницу, потому что ему стало меня недостаточно, супруг Оливии вообще изъясил из нее магию и оставил медленно умирать в глуши! Отправил племянника, совсем мальчишку, на каменоломни, и забыл про него! Я мало знала Стефана Равьера, но то, что я успела о нем узнать, ни разу его не красило в моих глазах. Бывает, что человек ничего плохого тебе лично не сделал, а ты его заочно невзлюбила. Вот и у меня так!

Поэтому появление короля в моем саду меня разозлило. Что он здесь забыл? Прилетел собирать урожай? Предложение показалось мне смехотворным, но это было первое, что пришло в голову, когда король наклонился и подобрал оброненное мной яблоко. Так это не его урожай, а мой!

Пока я его рассматривала, он рассматривал меня тоже. Создалось впечатление, что я вызываю в нем те же злые чувства, что и он во мне. Если в первую нашу встречу он брезговал ко мне прикасаться, то сейчас протянул мне яблоко. Но как-то резко, яростно. Словно ему еще меньше нравилось то, что он во мне видел. Хотя что это я? Наверное, расстроился, что я жива-здоровая, цвету и пахну, наслаждаюсь жизнью вместо того, чтобы окончательно избавить его от собственного существования!

Я проигнорировала его жест с яблоком и демонстративно сложила руки на груди.

— Добрый вечер, ваше величество! — Хотелось поприветствовать его вежливо, но сарказм все-таки просочился. Никогда не умела улыбаться мерзавцам. Лицемерие это не мое. — Какими ветрами вас занесло в нашу глубинку?

В моем сознании действительно нарисовалась картинка, где Стефана-дракона сдувает небесными потоками в сторону моего поместья, и он ничего не может с этим сделать. Это было настолько смешно, что я едва сдержала смех, но улыбка все-таки просочилась, заиграла на моих губах, заставив дракона свести густые брови на переносице.

— Узнала? — не остался в долгу Стефан. — В прошлый раз ты заявила, что у тебя плохо с памятью.

— Помнится, в прошлый раз вы заявили, что мы в расчете и больше никогда не увидимся.

— Я на это надеялся.

В глазах короля за клубилось темное пламя, а голос его стал рычащим, рокотом прокатился по моей коже. Словно приказывал сдаться, прогнуться, преклонить перед ним колени.

Не дождетесь, ваше величество!

— Удивительно. Не я же к вам в замок приехала, это вы ко мне в гости пожаловали. По какой причине, раз так не рады меня видеть?

Меня действительно интересовал этот вопрос. Потому что первой, пришедшей в голову причиной стал Лазар. Королевская аура и так давила на плечи, а на этой мысли по спине и вовсе пробежал пугающий холодок. Что, если он узнал про мальчика и явился за ним, чтобы... Мне даже думать не хотелось, что ждет этого ранимого солнечного подростка, который только-только начал оттаивать и становиться похожим на ребенка, а не волчонка, скалившего на всех зубы.

Я так испугалась подобной перспективы, того, что у меня его заберут, что задохнулась от беспокойства. Это не укрылось от Стефана, который продолжал пристально за мной наблюдать.

— Кажется, ты сама догадалась, почему я здесь, — удовлетворенно произнес он.

Я сделала глубокий вдох-выдох, возвращая себе контроль. Почему-то рядом с этим мужчиной он шатался, как хлипкая березка под ураганным ветром.

— Понятия не имею, — как можно более безразлично сказала я и пожала плечами. — Убедиться, что я еще жива? Соскучились, наверное.

Стефан шагнул ко мне так близко, впритык, что весь мой контроль если не разлетелся на щепки, то точно слегка погнулся.

— Жива? — повторил он. — Ты не просто жива, Олли. Ты словно заново родилась, и я очень хочу знать, что или *кто*, — он яростно выделил последнее слово, — стало тому причиной.

Я бросила встревоженный взгляд на особняк: Лазар должен был с минуты на минуту принести корзины для яблок.

— Почему это должен быть «кто-то»? — спросила я, облизнув губы. В горле пересохло от волнения.

Король проследил за моим взглядом и добил меня:

— Потому что я чувствую в тебе магию другого дракона.

2

Сбывался мой самый страшный кошмар, в котором Стефан узнает про Лазара. А после... Я даже представлять себе не хотела, что будет после, и только усилием воли остановила надвигающуюся панику. Драконы — они же как хищники, а значит, показать ему страх равносильно полному поражению. Я вспомнила один случай из своей практики, когда к нам доставили сына мэра, и как этот самый мэр со мной разговаривал. И как с ним разговаривала я. Тогда не спасовала, значит, смогу и теперь. Король, мэр, какая в жопу разница.

— Занимательное у тебя чутье, — я перешла на «ты», поскольку его величество мне вполне успешно тыкал. — И что же, именно оно тебя сюда привело?

— Ты не ответила на вопрос, Оливия! — прорычал он. — Кто это?

Твой племянник, которого ты сослал на рудники, сатрап доморощенный!

— Ты разве не можешь определить сам? — Я обхватила себя руками еще сильнее.

— Не играй со мной, — рычание стало низким, угрожающим, Стефан отшвырнул яблоко.

Вот теперь меня окатило не только его силой, но и знакомым до мурашек ощущением близости. Видимо, тело Оливии помнило, каково это, и сейчас транслировало это мне.

Ну уж нет, благодарю покорно! С меня одного мужа хватило.

Зато в силу произошедшего я поняла одну простую вещь, Стефан понятия не имеет, что Лазар здесь. Он просто чувствует силу дракона и прилетел... зачем, он, кстати говоря, прилетел?

— Какие уж тут игры, — холодно сказала я, вскинув голову. — Зачем ты здесь, Стефан? Ответь на этот простой вопрос, и я отвечу на твой.

Ноздри дракона шевельнулись, я прямо представила, как он у меня на глазах превращается в зверя (за время пребывания здесь я поняла, что это не сказки и не выдумка, драконы — они такие) и откусывает мне голову. За дерзость.

Но супруг только хищно посмотрел на меня и произнес:

— Заинтересовался твоей лечебной практикой. Точнее, тем, что ты хочешь ей заниматься.

Я вскинула брови:

— С чего бы?

— Возможно, с того, что таланта к целительству у тебя никогда не было, Оливия?

Если бы существовал человек-рентгеновский аппарат, он выглядел бы в точности так, как Стефан. Его взглядом можно было сделать снимки всех моих внутренностей, а заодно МРТ сосудов и остального.

Значит, кто-то из целителей не просто мне отказал, но еще и запрос ему во дворец отправил. Хитрый ход. Пока остальные сидели и ждали, что я сама побегу к царю с челобитной, этот кто-то мог бы подсуетиться и получить меня в ученицы в случае королевского благоволения.

Как ни странно, после этого у меня окончательно отлегло от сердца. Лазар в безопасности, а судя по тому, что он до сих пор не вышел сюда с корзинами, мальчишка решил не геройствовать, а повести себя разумно.

Я невольно облегченно вздохнула, и это, разумеется, не укрылось от Стефана.

— Твоя очередь, Оливия, — произнес он, глядя на меня в упор. — Чья магия тебя исцелила? И почему ты решила стать целителем?

— Пока я тут валялась абсолютно беспомощная, а местный лекарь зарабатывал на мне состояние, совершенно не помогая устранить причину недуга, я о многом передумала, — произнесла я. — Поняла, что этот город нуждается в адекватном целителе, а я — в доходе и развитии этого поместья. В силу того, что я не умерла, мне теперь нужно есть и жить дальше.

Досадное недоразумение для тебя, а для меня — реальность. Это ответ на твой второй вопрос. Что же касается первого...

Я пожала плечами.

— Когда бегала в город на последнем запасе магии Теренса, познакомилась с путешественником по нашим краям драконом. Мы друг другу понравились, он увидел мое состояние и сказал, что готов мне помочь. Сейчас его здесь нет, наш короткий роман закончился очень быстро, но зато теперь я жива, а он улетел с приятными воспоминаниями.

По мере того, как я говорила, лицо Стефана приобретало самые разные выражения. Я-то думала, что короля Рована не смутит даже рухнувшая в двух сантиметрах от его королевской персоны скала, но сейчас он сначала посмотрел на меня с недоверием. Потом — с изумлением. И, наконец, с яростью. От этой ярости даже солнце померкло, его закатный свет не мог сравниться с пламенем, полыхнувшим в глазах бывшего супруга Оливии.

— Как это похоже на тебя! — прорычал он, а после я едва успела отскочить.

Потому что Стефан все-таки обернулся, прямо посреди моего красивого сада. Яблоне повезло, она осталась в стороне, а вот два ближайших дерева с разных сторон скосило мощными крыльями. Шипованными, с ярко-синей чешуей. С них взлетели капли воды и фонтанами осели прямо на землю.

Дракон оттолкнулся, взмыл ввысь, и меня снесло к той самой яблоне. Буквально сдуло ветром, силой его возросшей стократ ярости и магией. Не будь во мне магии Лазара, подозреваю, меня бы с того дерева отскребали как после катка, а так я только слегка стукнулась затылком о теплую кору.

Да что ж за мужчина-то такой?! Без членовредительства не может совсем?

Я наблюдала за тем, как рованский монарх скрывается в облаках и думала, что с получением лицензии у меня определенно будут проблемы.

Впрочем, это еще когда будет. Сначала надо дождаться Дэмиана, отучиться, а потом, глядишь, поостынет. Как по мне, для водного дракона он слишком огненный. Вон, деревца мне порушил. Правда, садик заодно полил, и на том спасибо, дождя давно не было.

Это я себя так успокаивала, потому что сердце сейчас колотилось как сумасшедшее. Даже дышать было трудно, не говоря уже о том, чтобы сдвинуться с места. Просто на моих глазах мужчины никогда раньше не становились драконами, одно дело — знать, совсем другое — увидеть.

Да я и не запомнила его толком.

Дракона в смысле. Стефана запомнила очень хорошо, и его близость до сих пор отдавалась странной слабостью и дрожью в теле. И жаром. Тем самым жаром, который я бы предпочла никогда не испытывать, особенно в присутствии этого мужчины.

Приложив руки к груди, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Сглотнула и направилась к дому. Подождут яблоки до завтра. И варенье тоже.

3

Как это похоже на тебя.

Слова Стефана не выходили из моей головы и на следующий день, когда мы все-таки добрались до сбора урожая. Мне не хотелось думать, что же произошло между королем и королевой, как закончился их брак... В конце концов, это не мое дело! Но все равно думалось. Потому что разгребать весь этот бардак и отдуваться за нее приходилось мне.

Как это похоже на тебя.

Оливия что, изменила Стефану? Или он имел в виду ее безответственность по жизни? Потратить огромные алименты, а по словам Жюли, бывшая королева получила приличные отступные, было не слишком умно с ее стороны. Не удивлюсь, если на королевское «наследство» Теренс и отгрохал себе особняк. О том, кому принадлежит самое красивое и большое здание, я узнала в свой следующий визит в город. Тем не менее я все равно сочувствовала этой женщине. В этом государстве царил патриархат, до сексуальной революции было далеко, за жен и дочерей все решали мужчины. Стефан так торопился избавиться от надоевшей жены, что не позаботился ни о ее здоровье, ни о финансовой грамотности. Это была его ответственность, как бы она ни поступила в прошлом.

Хотя, судя по тому, как его величество гневались на интрижку бывшей, дракон ревнивый засранец. Ни разу не удивлюсь, если гипотетическая измена Оливии случилась исключительно в его фантазиях!

— Оливия, — позвал меня Лазар, — король вас обидел?

Я моргнула и тут же широко улыбнулась хмурому мальчику, который положил последнее спелое яблоко в корзину и легко ее поднял. Поначалу я пыталась отбирать у него тяжести, но Лазар сумел объяснить мне что он уже большой и сильный дракон, а вот я пока до конца не выздоровела. Поэтому, Оля, отойди! Он действительно легко мог передвигать разные предметы, даже не морщась, и в какой-то момент я убедилась, что ему несложно, и отстала от ребенка.

— Вы грустная с самого визита его величества.

— Я переволновалась, — призналась я. — Думала, он прилетел за тобой.

— Я тоже так подумал, — вздохнул Лазар.

Поэтому этот умный мальчик поставил на себя защитное заклинание, чтобы скрыть от старшего дракона свою суть, и наблюдал за нами, чтобы в случае чего прийти мне на помощь. Это нас и спасло: то, что Лазар оказался сообразительным и осторожным.

Представляю, как он испугался! Ни за что же не признается, но наверняка так и было. А как испугалась я! Словами не передать. Когда вернулась в особняк, заставила его пообещать мне всегда прятаться.

Кто бы ни пришел. Кто бы его ни искал.

Лазар посмотрел на меня большими глазами и сбивчиво поклялся, что не будет подставляться. Но, кажется, проникся моей реакцией и заботой.

— Надеюсь, он больше не прилетит, — сказала я Лазару, снова возвращаясь из воспоминаний о вчерашнем дне в настоящее. Говорила я одно, но интуиция мне подсказывала, что от внимания Стефана так просто не избавиться. Особенно сейчас, когда я жива, полна здоровья и магии и готова учиться. Еще и по драконам бегаю!

Две большие корзины с яблоками переехали на кухню. Там мы их хорошо промыли, и настало время попробовать эту вкуснятину. Аромат не вызывал сомнений в том, что будет вкусно. Стоило мне аккуратно разрезать румяное яблочко и откусить кусочек от половинки, ощутить сладость на языке, как в груди разлился жар, сравнимый с тем, который я чувствовала

от вливания магии Лазара. Чувство было такое, что я не яблоко жевала, а чистую энергию. Наполнившую меня до краев.

Глядя на мой ошарашенный взгляд, Лазар подскочил ко мне:

— Все в порядке, Оливия?

— Мне кажется, или яблоки волшебные? — просипела я. Голос охрип от взволновавшего меня открытия.

— Такого не бывает, — хмыкнул Лазар. — Дерево не может хранить магию.

— А что может?

— Кто. Драконы, еще некоторые люди...

Лазар осекся, когда в кухню вошли мои помощницы.

— Как яблочки, Оливия?

Слегка пугающие.

Я протянула половинку Жюли, и она откусила гораздо больший кусочек, а после довольно замычала.

— Прелесть, а не яблоки!

— Ничего странного не заметила? — подозрительно поинтересовалась я.

Помощница округлила глаза:

— А должна была?

Жюли не успела рассказать о своих чувствах, да это и не понадобилось: внезапно ее волосы ярко засияли, и кожа тоже. По всему телу девушки прокатились огненные искры, а после она словно стала... лучшей версией себя. Морщинка между бровей (Жюли очень любила хмуриться) разгладилась, щеки порозовели, ее каштановые волосы стали блестящими.

«Молодильные яблочки», — промелькнуло в моей голове.

Просто Жюли молодиться было некуда, а вот мне... Я запихнула оставшийся кусок яблока целиком в рот и понеслась к зеркалу. Мне нужно было убедиться в собственной правоте или признать эксперимент неудавшимся. Ближайшее зеркало было в гостиной, туда я и вбежала, всматриваясь в свое отражение. Благодаря магии Лазара выглядела на возраст Оливии, на ухоженные тридцать с плюсом, теперь же плюсок отвалился вовсе. Потому что кожа разгладилась, а в глубине глаз сияла магия. Когда же я воспользовалась даром и рассмотрела себя изнутри, то едва сдержала радостный визг.

Магия яблочек работала как драконья, исцеляя меня.

Это было невероятно! Но я вчера видела, как мужик в дракона превратился и снес мне пару вишен, так что вы знаете о невероятности?

Вернулась я на кухню быстро и теперь посмотрела на яблоки совсем иначе. Немногочисленные обитатели поместья уже привыкли, что я чуть-чуть того, поэтому даже не удивились, когда я заявила:

— Мы будем варить варенье на продажу!

Кажется, сегодня я нашла выход, как оплатить свое обучение Дэмиану и прокормить нас до того, как я стану квалифицированным магом-целителем.

4

Стефан

Если до вчерашнего вечера ему в голову приходили мысли об иномирянке, то теперь все они испарились. Женщина, которая разговаривала с ним в саду, определенно была его женой. Только Оливия знала, чем его зацепить. Знала, чем его точно можно вывести из себя, пожалуй, это было то единственное, что даже спустя годы могло его заставить утратить контроль.

Он сдержался и не спалил весь ее цветущий садик вместе с ней только благодаря тщательно взращиваемой с детства выдержке. Иначе не получится быть драконом, не говоря уже о том, чтобы быть правящим драконом. Королем. Повелителем первозданной стихии.

Как она смела издеваться над ним?!

Стефан с такой силой ударил в стену, что камень пошел крошкой, и по нему поползли трещины, краска посыпалась на пол. Этот неудачный момент и выбрал Корви, чтобы заглянуть. Прилизанные волосы секретаря, казалось, еще больше заблестели, а сам он весь взмок: запах пота дракон уловил сразу.

— Пр-ростите, ваше величество, — пробормотал тот, — но ваш сын... он настаивает...

— Пусть войдет.

Тимоти прошел в кабинет сразу после этих слов, не дожидаясь разрешения. Он был точной копией Стефана, не считая колдовских глаз его матери. Пожалуй, одно из немногих достоинств Оливии, учитывая тот факт, что умом она не отличалась ни в прошлом, ни сейчас.

Да, она больше не была королевой, но бросая в него такие слова, она здорово рисковала. Ее личная жизнь больше не имела к нему никакого отношения, но он по-прежнему оставался ее королем, монархом, за дерзость которому могло последовать наказание, и довольно суровое.

Тимоти окинул взглядом стену и отца.

— Я не отниму у тебя много времени, — произнес он, — прости, что без записи.

Вместо ответа Стефан кивнул на кресло, предлагая ему сесть, а сам разместился в своем. Кабинет был оформлен в темно-синих тонах, единственным исключением были платиново-пепельные вставки подлокотников, ручек, люстры и корешков книг.

— Я хочу возглавлять поисковый отряд, — произнес сын. — Хочу быть тем, кто найдет Лазара Вальдена.

Слова тяжестью упали между ними, и Стефан на мгновение замер. Так уж получалось, вывести его из себя в этом мире всегда удавалось двоим: Оливии и их сыну.

— Этим уже занимаются, — холодно произнес он спустя короткую паузу.

— Знаю. Но я хочу взять поиски на себя.

— Зачем это тебе?

— А ты зачем снова летал к матери?

От такого Стефан не просто опешил, его полоснуло яростью.

— Не забывайся, — рычаще произнес он, — ты не только мой сын и наследник. Я твой главнокомандующий.

— Ты по жизни мой главнокомандующий, — произнес Тимоти, — с отцом я давно уже не говорил. Может, сегодня ради исключения пригласим его?

Оливия и Тимоти не были похожи ничем... кроме этих самых глаз. И сейчас на него словно снова смотрела она, у него даже разрез глаз был ее! Что смягчало черты его сына, унаследованную от него волевою резкость. Стефан поймал себя на мысли, что в крови снова просыпается огонь и усилием воли заставил его уняться.

— Хорошо, — произнес он, — но даже как отец, я повторю свой вопрос: зачем это тебе?

— Хорошо, — тон в тон ему отозвался Тимоти, — я тебе скажу. Мне нужно его найти. Я его ненавижу. Я хочу стать тем, кто его арестует и приведет к тебе. Не забывай, я смогу его

почувствовать лучше, чем кто бы то ни было. Пока солдаты будут слепо рыскать по окрестностям, я его почувствую, и ты прекрасно это знаешь.

Да. Он мог его почувствовать. Точно так же, как Стефан почувствовал в Оливии магию другого дракона, но не его запах. В том саду все перебивал аромат этой диковинной яблони, но запах измены не держится долго. В отличие от ее горького послевкусия.

Он сам не заметил, как сжал руку в кулак.

— Я дам тебе время до конца лета. Этот звереныш отлично умеет прятаться и замечать следы, как и его отец. Если по истечении этого срока ты его не найдешь...

— Я найду его гораздо быстрее. — Тимоти резко отодвинул кресло и поднялся. — Спасибо, отец.

Он склонил голову и вышел, оставив Стефана наедине со своими мыслями, а их было много.

«А ты зачем снова летал к матери?»

Зачем — хороший вопрос. Донос от некоего Теренса О'Грэйва о том, что бывшая королева целительствует без лицензии и подвергает жизнь невинных горожан угрозе ему принесли как Верховному целителю Рована. Стефан учился на него, готовился спасти жизни, пока его старший брат готовился править Рованом. Но заговор положил конец всему. Он был чуть младше Тимоти, когда погибли его отец и брат. Мать умерла, когда Стефан был совсем маленьким, заговор устроили ее родственники. Ему повезло выжить, потому что по иронии судьбы он гостил у фаворитки отца, которую тот наградил своей искрой. И сыном. Кристофом.

Жениться второй раз отец не стал, но бастарда все-таки заделал, чем в свое время всколыхнул всю рованскую общественность. Это шло вразрез со всеми устоями и традициями, не королева, но Искра, к тому же, родившая ребенка. Королевская кровь, хоть и не признанная отцом, досталась Вальдену со всеми привилегиями, и он вполне успешно этим пользовался все это время.

Пока окончательно не перешел черту.

«Мой сын не должен отвечать за мои действия. Он просто ребенок. Обещай...»

Он мог разыгрывать свой спектакль передо всеми, включая Натаниэля Эрхольда и его иномирянку, которая аж позеленела после таких слов, но Кристоф просто нашел способ удариť его напоследок. Единственный, который у него остался, но этого не понял никто. Кроме Тимоти.

И за это он ненавидел Вальдена вдвойне. Его и его ублюдка, за то, что они дотянулись до его сына. А позволила им это сделать Оливия. При мысли о бывшей жене внутри снова полыхнула ярость.

«А ты зачем снова летал к матери?»

Незачем. Пришло время оставить прошлое в прошлом.

5

Ольга

С вареньем я не прогадала.

Хотя изначально пришлось сделать пробную партию, чтобы убедиться в том, что магия из яблок никуда не уходит при длительной термообработке. Не уходила, еще и более концентрированная получалась! Я, конечно, понимала, что мы пропустили время цветения: если это дерево было настолько волшебным, то вытяжка из цветочков могла бы стать отличным зельем — вроде тех, что таскал с собой Теренс. Но зелье все-таки серьезный препарат, это уже целительство, а у меня для врачебной практики отсутствует лицензия... В общем, вряд ли я смогла бы его продавать так же спокойно, как яблочное варенье.

У меня даже было место сбыта: Леон согласился выставить баночки в своей бакалейной лавке. Я предложила сделать дегустационный столик, за которым мы вместе с Марни давали бы попробовать варенье всем желающим. Цену я запросила приличную, поэтому прекрасно понимала: без продвижения мое варенье залежится на полках. Нужна реклама, просто необходимо показать товар лицом. Показать и рассказать о его эффективности. Спасибо всем кому только можно, я родилась в современном мире, где о продвижении знают даже дети! Мне не пришлось ничего придумывать, я взяла известный инструмент и использовала его.

Во-первых, в лучших традициях сетевого маркетинга я стала лучшей рекламой своего продукта. С тех пор, как меня последний раз видели в городе, я помолодела и похорошела, поэтому покупатели лавки меня даже с трудом узнавали. А когда узнавали... Тут вышла неприятность, потому что мою предшественницу не сказать чтобы любили. Дело было в том, что когда Оливия получила поместье после развода, оно выглядело несколько иначе, чем сейчас. Было небольшим, но цветущим, и в нем работало гораздо больше слуг, чем сейчас. После того, как Оливия растратила все деньги на магию, платить ей стало нечем, и все, естественно, уволились, но остались жить в городе. Поэтому репутация у нее, а теперь у меня, была как у скупой, бедной и безумной женщины. Теренс же только добавил еще дегтя в эту бочку с отходами чьей-то жизнедеятельности. Но я собиралась все исправить!

Когда в лавку вошли две женщины среднего возраста, я шагнула к ним:

— Доброе утро, дамы! Попробуете волшебное варенье?

Они осмотрели меня с ног до головы и поджали губы.

— Спасибо, мы здесь не ради варенья, госпожа Оливия, — ответила одна из них.

— Но вы уже здесь, и волшебное лакомство можно попробовать совершенно бесплатно.

На слове «бесплатно» ее подруга заинтересовано покосилась в сторону стойки, но нелюбительница варенья ее одернула.

— Вы очень изменились, — сообщила мне следующая покупательница, забежавшая за каким-то крупами.

— Это все волшебное варенье, — не растерялась я. — Ем его каждый день и молодею.

— А сколько стоит?

Я ответила, но цена ее разозлила.

— Мошенница! — обвинила она меня. — Сначала пытается в целителя играть, а теперь втридорога яблоки обычные продает!

— После такого я ей вообще ничего не продам! — выпалила я, когда женщина выбежала из лавки. — Даже если будет просить!

— Не расстраивайтесь, госпожа Оливия, — погладила меня по руке Марни. — Нам просто нужны хорошие слухи, которые распушит первый покупатель.

Эта девочка знала толк в продажах.

Как ни странно, моим первым покупателем стала бабушка Роза. Хотя я собиралась просто угостить свою пациентку, она отказалась и приобрела две баночки. Как оказалось, для себя и для подруг.

На следующий день в лавку подтянулись бабулечки. Некоторые из них с трудом передвигались, но все равно приковыляли ко мне и взяли по баночке. И дело пошло. Если пожилым женщинам варенье придавало сил, то их дочерей, привлеченных такой рекламой, здорово омолаживало. По совету Марни я делала скидку для тех, кто покупал больше двух банок. А вот больше трех мы не продавали в принципе.

— Чтобы исключить перепродажу, — со знанием дела заявила мне маленькая предпринимательница.

Я рассчитывала распродать баночки за пару недель, максимум за месяц...

Все пятьдесят банок смели за пять дней!

Очевидно, я недооценила востребованность магии или же оценила ее меньше рыночной стоимости. Учитывая, что моим единственным конкурентом был Теренс, варенье действительно стоило меньше его услуг, а эффект давало гораздо более длительный и без «синдрома отмены». Зелье Теренса поддерживало организм человека временно, магия яблок действовала мягче и по моему опыту не забирала то, что уже исправила или изменила. Для конкретики нужно было дальше наблюдать, изучать. И лучше не одно лето, а каждый год. Но к тому времени я собиралась получить диплом и помогать людям другими способами.

Теренс тоже заходил в лавку к Леону. Вернее будет сказать — влетел.

— Вы опять за свое?! — рявкнул он мне в лицо, гневно раздувая ноздри. — Вам нельзя исцелять людей без лицензии!

— А разве я кого-то исцеляю? — сделала я невинные глаза. — Я всего лишь продаю варенье.

Лицо целителя пошло красными пятнами.

— Волшебное?!

— Это маркетинг. Не заморачивайтесь.

Теренс таких слов не знал, но явно подумал о чем-то нехорошем.

— Я это просто так не оставлю! — прошипел он.

— Напишите донос королю? — поинтересовалась я.

Целитель вылетел из лавки, не прощаясь, а я почувствовала сладкое чувство удовлетворения от того, что мне удалось уделать этого напыщенного индюка с его раздутым самомнением.

Посчитав выручку, поняла, что я только что приблизилась к своей цели. Часть ушла Леону за аренду стойки, часть — Марни за помощь, без нее бы ничего не получилось. Основных средств теперь должно было хватить не только на жизнь в поместье, но и на первый гонорар Дэмиану.

6

После чудо-варенья горожане сменили гнев на милость. Те, кто из-за безразличия Оливии лишились работы и вынуждены были думать, как теперь кормить семьи, больше не смотрели на меня волком. Меня это радовало, хотя в городе я теперь появлялась нечасто, мы готовились встречать Дэмиана — он должен был прибыть со дня на день, и изучали яблоню. Потому что на ней снова появились цветочки! Теперь уже не оставалось ни малейших сомнений, что с яблоней что-то не так, к счастью, в хорошем смысле. Правда, и Жюли, и Карла лишь разводили руками:

— До этого года ничего такого не было. Эта засыхала, а другие плодоносили как обычные деревья, — пожимала плечами Жюли.

— Мы ели наши садовые яблоки, но таких чудес точно не замечали, — вторила ей Карла.

В итоге мы с Лазаром проводили исследования, замеряя уровень магии рядом с яблоней и другими деревьями: утром, вечером, днем, и... ничего особенного не находили.

— Яблоня как яблоня, — хмурился маленький дракон.

Про себя я уже называла его именно так: он и впрямь был похож на драконенка, такой же ершистый, переключающийся от ребенка своего возраста на маленького взрослого за считанные секунды. Когда Лазар волновался или злился, на скулах у него проступали чешуйки, я замечала это с улыбкой. А еще у него было шесть пальцев на одной руке. Я заметила это не сразу, потому что он тщательно это прятал, натягивая рукава — очевидно, стеснялся. Я бы и не узнала, наверное, если бы он не порезался, когда подстригал кустарники в парке. Я, естественно, подскочила в момент и увидела.

— Я сам справлюсь, — скривился мальчик, когда я попыталась промыть его порез чистой водой: у нас в саду на столике всегда стоял кувшин, мы брали его, чтобы пить в процессе работы.

— Не сомневаюсь, что справишься, — спокойно ответила я. — Но я просто хотела помочь. Жюли! Принеси нам бинты, пожалуйста.

Жюли занималась цветами и, услышав меня, мигом побежала в дом. Вообще с девушками у нас сложились на редкость теплые и доверительные отношения, потому что я не ставила себя выше, не вела себя как королева, не гнушалась грязной работы и шуточек, которые Оливия считала ниже своего достоинства.

Пока я промывала порез, Лазар хмуро смотрел на меня. Кажется, его больше интересовало, заметила я или нет, чем достаточно глубокая рана. В конце концов я не выдержала и спросила:

— Что-то не так?

— Жду, когда вы скажете, что я урод.

Я повернулась и в упор посмотрела на него:

— С чего бы мне такое говорить?

— В интернате все говорили. Что я урод, что моя мать была уродиной, и... лучше вам такое не слышать, Оливия, что они там вообще говорили.

— Ты не знал свою мать? — догадалась я.

Лазар покачал головой.

— Отец никогда о ней не говорил. Сколько бы я ни спрашивал... Она должна была быть его Искрой, иначе бы я не родился. Но он никогда не был женат. Любовницы у него были, и предостаточно... — Он скривился.

Могу только представить, как ему доставалось от сверстников. А еще могу представить, почему этот мальчик так рано повзрослел. Дело было не только в том, что его отец оказался заговорщиком, а он — персоной нон-грата, малышом, отправленным на рудники. Похоже, его

отцу вообще не было до него дела, если он ни слова не сказал ребенку о его матери, а сам развлекался с любовницами, и его сын обо всем этом знал.

— Запомни, Лазар, — я пустила легкую искру магии по краям раны, чтобы провести обеззараживание, — нас определяет не то, что о нас говорят, а то, что мы сами о себе думаем. То, что мы делаем. Как *мы* относимся к другим людям, а не наоборот. Понимаешь?

Лазар кивнул.

— Ты самый чудесный дракон, которого я знаю, — я сказала это абсолютно искренне. — Не знаю, что бы я без тебя делала...

— Да я вам теперь больше не нужен, — буркнул он. — У вас теперь эта яблоня есть. И вообще...

От такого заявления я сначала опешила, а потом изумленно посмотрела на него:

— Ты думаешь, что ты был нужен мне, пока помогал мне с магией?

— А разве не так?

В этот момент подросла Жюли с бинтами, я ее поблагодарила и занялась повязкой. Магия помогла сомкнуть рану и частично ее исцелить, чтобы схватилась корочкой, дальше было дело времени. К тому моменту, как девушка отошла достаточно далеко, я сказала:

— Ты очень для меня важен, Лазар, с магией или без, я всегда буду тебя любить.

Эти слова дались мне легко, как будто я всегда знала, что однажды их скажу. Что же касается мальчика, он моргнул и отвел глаза. Смутился.

— Яблоня эта как лавуальские кролики, — сказал он.

— Кто?

— В Веймейстрии есть такая горная провинция... ну то есть это раньше она была провинцией, так вот, там есть кролики, одежда из шерсти которых невероятно теплая. В ней можно на снегу спать — и не замерзнешь, но стоит ее вывезти из Лавуаля, как она теряет свои свойства.

Хм-м-м...

— Звучит как сказка, знаю, но это правда! — горячо заверил меня мальчик. — Хотя... вы же сами это наверняка знаете.

Да-да, конечно знаю.

— Я просто задумалась, — поспешила его заверить, — о таком совпадении. Надо будет проверить яблоко, увезти его куда-нибудь подальше и посмотреть.

— Отличная идея! — поддержал Лазар. — Мы могли бы съездить в Дантон, это городок побольше и погулять там.

Кажется, кое-кто забыл об опасности и о том, что его ищут. С другой стороны, я представляла, как тяжело драконенку-аристократу сидеть в глуши без возможности хотя бы куда-то выехать. Надо будет подумать, что можно сделать, изучить обстановку... Я не стану рисковать Лазаром, пока у меня не будет стопроцентной уверенности в том, что это для него безопасно. Дэмиану я собиралась его представить, как Жюля, помощника по хозяйству и садовника. Причем, насколько я поняла из того, что в нашем городе о пропавшем Лазаре Вальдене не говорил никто, его искали тайно. Вопрос почему был любопытен, но не являлся первостепенно важным. Главное, это помогало нам сохранить нашу легенду, а Лазару жить спокойно.

Стоило мне об этом подумать, как в сад вбежала Карла и, запыхавшись, сообщила:

— Прибыл Дэмиан Ландар!

7

Дэмиан ждал меня в гостиной, которую мы общими стараниями привели в божеский вид: отмыли, отреставрировали мебель, повесили старые, но чистые портьеры. При моем появлении он поднялся с дивана, тяжело опираясь на трость, и улыбнулся.

— Добрый день, госпожа Оливия. Рад наконец-то познакомиться с вами.

Мне почему-то казалось, что он старше, но Дэмиану на вид было примерно столько же, сколько Оливии — тридцать-тридцать пять, и он обладал очень привлекательной внешностью: золотистые волосы, синие глаза, правильные, чисто мужские черты лица и россыпь веснушек на переносице, говорящие о том, что целитель не брезгает прогулками на свежем воздухе. Еще он оказался высоким и широкоплечим. С его внешностью совершенно не вязались трость и травма, которая за ней скрывалась.

Я протянула ему руку, которую он галантно поцеловал.

— Добрый день, господин Ландар! Можно просто Оливия. Я все-таки буду вашей ученицей.

— Справедливо, — кивнул он. — Тогда и вы обращайтесь ко мне по имени.

— Договорились, — расплылась в улыбке я и не удержалась, бросила взгляд на трость. — Мои помощники приготовили для вас спальню на втором этаже, но я попрошу отыскать подходящую комнату на первом.

— Это лишнее, — даже не поморщился Дэмиан. — Этот дефект врожденный. Мне полезно ходить по ступенькам. Всегда спрашиваю у себя: где бы я был, если бы пошел на поводу у стереотипов?

А вот мне стало стыдно.

— Простите меня за бестактность.

— Что вы? Никогда не извиняйтесь за доброту и чистое сердце. Это лучшие качества для целителя! Желанию помогать людям невозможно научить, с этим можно только родиться. Теперь я вижу, что не ошибся в своем выборе, и приехал сюда не зря.

У меня вырвался нервный смешок.

— Вы не представляете, насколько я рада это слышать. Потому что все остальные отказались. Я живу в глуши. Я в немилости у короля. И я не самая богатая женщина Рована.

— Ничего из этого не говорит о том, каким целителем вы сможете стать, — мягко улыбнулся он. — Ваше письмо заставило меня вспомнить себя. Я пришел в целители, потому что никто из них не мог исцелить меня самого. Я не верил, что мой случай совсем безнадежен, так и получилось: я оказался прав. Теперь я могу спасать других и готовить талантливых преемников.

— Не знаю, насколько я талантлива, — вздохнула я, — но желание помогать другим людям у меня есть. В чем вы сможете убедиться, когда мы приступим к обучению, Дэмиан.

Я ни разу не кривила душой, потому что уже успела убедиться: мои знания из прошлой жизни — это, конечно, хорошо, но во всем, что касается магии мне еще учиться и учиться.

— Не станем откладывать, — с энтузиазмом заявил целитель, — начнем теоретические уроки завтра, а вот для практики нам понадобятся пациенты.

— Думаю, в городе найдутся те, кто готов мне довериться, — кивнула я.

Так началась моя учеба. Дэмиан привез с собой много книг, но оказалось, что в моей библиотеке тоже немало литературы по целительству. Когда мой ментор узнал, что со знанием анатомии и физиологии человека у меня все в порядке, мы тут же переключились на изучение магии.

Если изначально для меня это звучало дико, то постепенно, раз за разом, разбираясь, понимая логику, связи, магические потоки, я пришла к выводу, что магия здесь, по сути, мало

отличалась от научных инструментов на Земле. Чем больше я понимала, как и что работает, тем становилось легче.

К тому же, у меня была база в виде моей врачебной практики и то, что я исцеляла себя, когда Лазар вливал в меня магию. Поэтому Дэмиан не мог нарадоваться тому, как быстро идет наше обучение и как я все схватываю буквально на лету. Например, сегодня он заявил, что уже готов подпустить меня к пациентам.

— Обычно я говорю так минимум через пару месяцев, но вы, Оливия, самая талантливая моя ученица. Самородок!

После такой похвалы мои щеки довольно вспыхнули, но больше всего я радовалась тому, как хорошо себя чувствует мой ментор.

Яблоня принесла новый урожай, из которого мы вновь сварили варенье, и которым я с удовольствием угощала Дэмиана. Для человека, сражающегося с недугом всю сознательную жизнь, это тоже не прошло мимо. Дэмиан почувствовал себя лучше и сразу спросил у меня, в чем секрет. Пришлось поделиться с ним секретами нашей яблони.

— Как лавуальские кролики! — пришел в дикий восторг и повторил слова Лазара целитель. — А вы не пробовали делать вытяжку из цветов? Я помогу вам ее создать!

8

Все шло настолько хорошо, что временами я даже боялась сглазить. Если бы не мысли о Наташе, наверное, я была бы по-настоящему счастлива. Впервые за долгое время. Увы, мысли про дочь не позволяли полностью расслабиться, поэтому в одну из душных летних ночей я ворочалась с боку на бок, пытаясь перестать думать о том, что изменить не могу. И о той, что уже никогда не увижу...

Мое внимание привлекло сначала шуршание за окном, как будто кто-то ходил по саду: я привыкла к тому, что в поместье царит тишина, особенно ночами. Первое время мне даже страшновато было, потому что ни в деревне, куда я ездила к подруге, ни в коттеджных домах у коллег такой тишины не бывало.

На шуршание я внимания не обратила — подумала, что Лазару опять не спится или Дэмиан вышел подышать. В такие ночи это было неудивительно. Но уже спустя пару минут в комнату потянуло дымом, и я подскочила. Чтобы увидеть, как по всему нашему саду занимается огонь!

Первый обрушившийся на меня шок лишил дара речи, к счастью, ненадолго. Уже в следующий момент я накинула на себя халат и вылетела из комнаты:

— Карла, Жюли, Жюль! Пожар!

Я добежала до крыла, где они ночевали, колотя в двери. Сонные перепуганные девушки вылезли из кроватей, не понимая, что делать и куда бежать. Лазар тоже сонно моргал, не растерялся только Дэмиан, который тоже проснулся от моих криков:

— Нужна вода! Набирайте воду! Срочно! — скомандовал он. — Во все ведра и емкости. Берите одеяла, будем сбивать огонь с деревьев и кустарников!

Это же сколько надо воды? Она у нас в поместье была, но, разумеется, здесь не было централизованного водопровода. Здесь стояли водоворотные артефакты, но пока они все соберут... пока дотащат... и кто дотащит эти ведра?

Я подхватила первое ведро, но Дэмиан меня остановил, кивнув на густой дым.

— Оставайтесь в доме, Оливия.

— Что?! Вы с ума сошли?!

Он покачал головой, понимая, что остановить меня не удастся.

— Хотя бы намочите волосы и одежду!

Я настолько растерялась, что не уследила, куда делся Лазар. А когда за окном, среди огня метнулась хрупкая фигурка, поняла, но было уже поздно.

— Что он делает?! — воскликнул целитель, и мы все вчетвером бросились к дверям.

Лазар стоял посреди огненного ада, раскинув руки, и вокруг него собирались водные вихри. Он словно вытягивал всю влагу из воздуха, из земли, глаза его горели яркой синевой, а огня становилось все меньше, меньше и меньше. Спустя еще несколько мгновений над садом повалил густой пар: влага просто погасила огонь за мгновение до того, как он перекинулся бы на все деревья, цветы и уничтожил все, оставшиеся островки пламени прибило водными плетями, и сейчас, кроме угасающей водной магии над садом не было никакого свечения. Дышать было тяжело, но теперь уже не из-за дыма, просто воздух стал как в тропиках. Когда мы с мужем летали в Доминикану, я первые сутки пыталась понять, как тут вообще дышать можно. Вот и сейчас были в точности такие ощущения, с которыми я справилась в тот же момент, когда Лазар пошатнулся.

Он бы упал, если бы я не метнулась к нему и не поддержала, а тут уже и Дэмиан подрос. Он подхватил побелевшего мальчика на руки, и мы быстро вернулись в дом. Мужчина уложил его на кровать, быстро просканировал.

— Магическое истощение. Мне понадобится ваша помощь, Оливия. Оливия!

Кажется, впервые за всю свою карьеру я растерялась. Не зря хирургам не рекомендуют оперировать близких людей, потому что сейчас из ступора меня вытряхнул только голос Дэмиана:

— Оливия, если вы мне не поможете, он может умереть!

На этом я быстренько вернулась в реальность, и мы с Дэмианом склонились над Лазаром. Даже в своих самых страшных кошмарах я не представляла, что моей «первой практикой» станет этот ребенок, а еще, пока я держала контуры, а Дэмиан направлял по ним магию, поняла, *насколько* он на самом деле стал мне дорог. Я совершенно искренне сказала Лазару о своих чувствах, но даже не представляла, насколько они во мне проросли. С меня семь потов сошло, пока мы закончили, а когда Дэмиан сказал, что завтра Лазар проснется, и все будет хорошо, у меня затряслись руки.

Я вытерла лоб тыльной стороной ладони, напоследок глянула на мальчика, который уже не выглядел как восковая фигура, и вывалилась сначала в коридор, а затем в наш горелый сад. Пожаром здесь благоухало знатно, влажность по-прежнему парила, как над океаном, и я плюхнулась прямо на ступеньки, закрыв лицо ладонями. Я не плакала, но колотило меня знатно, и колотило бы дальше, если бы Дэмиан не положил ладонь мне на плечо.

Он протянул мне чашку:

— Здесь несколько капель успокаивающего зелья. Пейте.

Я послушно выпила, а Дэмиан опустился рядом со мной:

— Почему вы не сказали, что мальчик — дракон? Хотя... не отвечайте. Этот ребенок — Лазар Вальден, верно?

Несмотря на то, что во мне было зелье, меня изнутри словно током ударило.

— Оливия, да не смотрите на меня так, я же не монстр. Ваша тайна не пойдет дальше этого поместья. По крайней мере, не от меня.

По крайней мере, не от меня.

Я с ужасом осознала, что Жюли и Карла тоже все видели, и, хотя они девочки хорошие... что, если они испугаются королевского гнева? Да почти наверняка испугаются!

Я подскочила.

— Мне надо поговорить с девушками.

— Поговорите, — мягко произнес Дэмиан, останавливая меня. — В ночи они точно никуда не побегут, а вам не мешает успокоиться.

Несмотря на то, что я привыкла все решать сама, несмотря на то, что в моей жизни было много всякого, сейчас из меня словно выпустили весь воздух. Я всхлипнула, пытаюсь удержать слезы, которых не было с того самого дня, как я впервые узнала об измене мужа на Земле, и они прорвались сплошным потоком. Просто потекли из глаз, и я вытирала их тыльными сторонами ладоней, размазывая гарь по лицу. Даже не поняла, как Дэмиан привлек меня к себе, мягко и успокаивающе погладил по спине. Не знаю, сколько мы так стояли, пока из меня не вылилось все, что я держала в себе. Все обиды, вся боль, все страхи и переживания, все отчаяние. Когда, наконец, я почувствовала, что во мне вместо слез образовалась какая-то странная легкая пустота, вернулось и ощущение реальности. И осознание того, что Дэмиан стоит как-то очень близко, а мне совершенно не хочется от него отстраняться. Что мне легко и спокойно в его объятиях. От осознания этого я неожиданно даже для себя смутилась и произнесла:

— Я намочила вам рубашку...

— У меня есть еще одна, — хмыкнул он.

— Да? Это хорошо, — я вывернулась из его рук, пока ничего лишнего не произошло. Потому что в сложившихся обстоятельствах все, что могло произойти, совершенно точно было лишним.

Дэмиан словно почувствовал мое состояние, потому что лишь склонил голову и отступил в сторону. Я же направилась в дом и на кухню, откуда доносились возбужденные голоса Жюли и Карлы. Заметив меня, девушки притихли, а я внимательно посмотрела на них.

— Вы же понимаете, что все случившееся должно остаться в тайне? — спросила я. — Особенно то, что сделал Жюль.

— Да мы уже поняли, что никакой он не Жюль, — тихо сказала Карла.

— Сразу же, — произнесла Жюли. — Он сказал, что прислуживал вам во дворце... но ему сколько лет? Он был слишком мал в то время чтобы быть пажом.

То есть все это время они знали? А я ни о чем таком не подумала... Вообще не подумала, потому что для меня все эти пажи и придворные были как из наших исторических фильмов. Ох.

Я почувствовала, что у меня как будто гора с плеч свалилась.

— Все равно, — повторила я. — Эту тайну не должен узнать никто.

— Оливия, клянусь, я никогда бы вас не предала, — произнесла Жюли.

— И я, — твердо сказала Карла. — Мы с вами навсегда... вы уж простите меня за то, что я другую работу хотела искать. Просто у меня отец болеет, и ему нужна моя поддержка...

— Отец болеет — и ты ничего мне не сказала?! — нахмурилась я.

— Так он сам... не хочет, — смутилась девушка. — Теренс этот в городе всем мозги промывает. Вон до сих пор не верит, что яблоки помогают, и от варенья отказывается. Я ж попыталась ему немного всучить после того, как всем понравилось, но... ругается, что я теперь еще и на «шарлатанку работаю»...

Она осеклась, еще больше смутилась и отвела глаза.

Кстати, о яблоках. И о варенье. Стоило волнениям за Лазара отойти на второй план, как я всерьез задумалась о Теренсе. Этот скользкий тип явно не гнушается подлых методов, и, стало быть, поджог — его рук дело. Ну то есть я была на сто процентов уверена, что делал он все не своими руками, но кому-то хорошо заплатил. Потому что за новой партией варенья, которую мы распродали за полдня буквально неделю назад, выстроилась огромная очередь. Чуть драка не случилась, когда две соседки не смогли решить, кому достанется одна банка, а кому две. Пришлось сказать, что всем достанется по одной, а последнюю мы подарили Розе, несмотря на все ее возражения.

— С Теренсом я разберусь, — сказала я. «Шарлатанка» меня совершенно не смутила, я прекрасно осознавала силу влияния инфлюенсеров. Кто ж виноват, что местный инфлюенсер — с гнильцой. Не инфлюенсер, а бацилла поганая. — И вместе придумаем, как помочь твоему отцу. Приведешь его на прием к Дэмиану, а там посмотрим.

Карла просияла.

— А пока ложитесь спать, — подвела итог я. — Если заснете, конечно. Хотя лучше бы нам всем поспать, саду явно не помешает наша помощь днем.

Сама я заснула быстро. Сказались то ли полное освобождение от напряжения и переживаний, то ли зелье Дэмиана, то ли осознание, что вокруг меня собрались люди, на которых я по-настоящему могу положиться. Не только я, но и Лазар.

Утром мы вчетвером вышли оценить ущерб, и несмотря на то, что серьезно пострадали несколько деревьев, а целый ряд было уже не спасти, наша яблоня была целехонька. Выжили и цветы, и кустарники, а горелые проплешины на траве чернели наподобие напоминаниями о черной душе Теренса. Все было в гари, дом со стороны сада нам предстояло основательно отмывать, но, признаюсь честно, все могло бы быть куда хуже, если бы не Лазар. Который проснулся ближе к обеду: я как раз принесла ему поесть.

Он открыл глаза и испуганно посмотрел на меня, потому что ждал, что я — что?.. Буду ругаться?

— С пробуждением, — я подвинула к нему поднос с завтраком. Дэмиан говорил, что после магического истощения может быть зверский аппетит, поэтому Жюли и Карла постарались на славу. Здесь были и бекон с яйцами, и пышные булочки, и наше варенье, и бульон для восстановления сил, и овощной салат, и даже печенье, которое Лазар обожал.

В животе у него заурчало, но он не притронулся к еде.

— Мне придется уехать, — пробормотал он. — Все видели, что я сделал...

— Жюли и Карла давно догадались, — перебила его я. — А Дэмиану я доверяю, как себе. Тебе никуда не надо бежать, Лазар. Здесь ты дома. И в безопасности.

Глаза у него заблестели, и я быстро протянула ему булочку.

— Вот. Попробуй, Жюли специально для тебя испекла. Угадай, из чего повидло.

Он неуверенно улыбнулся, а я продолжила:

— Если бы не ты, от нашего сада ничего бы не осталось. И от дома, скорее всего, тоже, не говоря уже о том, что любой из нас мог пострадать. Спасибо тебе за то, что ты сделал, — я серьезно посмотрела на него. — Но никогда больше так не рискуй, понял меня? Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится.

Его глаза заблестели сильнее, и я поняла, что сейчас лучше оставить его одного. Просто потому, что иногда маленьким сильным драконам стоит позавтракать в одиночестве.

Мы все мыли и чистили, убирали сад, собирали сгоревшие ветки в корзины, я снова была вся в саже и наверное блестела от пота, потому что день выдался ну очень жаркий. Теренс же, мерзость такая, подгадал нарочно: поджог осуществили так, чтобы все было максимально естественно. Никаких горючих материалов, просто все подожгли по всему саду. Ничего и не докажешь, засуха, всякое случается, может какой путник бросил сигаретку рядом, «сами виноваты». Чем больше я об этом думала, тем больше заводилась. Ну как есть бацилла поганая, а! Ничего, и на тебя найдется антибиотик.

— Оливия! — Крик Жюли выдернул меня из планов расправы над О' Грэйвом: я вскинула голову и увидела сначала перепуганное лицо служанки, а затем кавалькаду всадников на дорожке, ведущей к поместью. Все они были в красных мундирах, кроме одного. В черном. И его я тоже узнала сразу же, потому что медальон с его портретом лежал в ящике моего стола.

Тимоти тоже меня увидел: он спешил первым, совершенно не заботясь о том, что шагает по газону, направился напрямик ко мне. Все его сопровождение осталось ждать у крыльца с колоннами, а сын Оливии посмотрел на меня сверху вниз и произнес:

— Мне известно, что вы укрываете беглого преступника Лазара Вальдена. Выдайте мне его немедленно, и я поговорю с отцом о смягчении вашего приговора.

9

Я только отошла после мысли о том, что передо мной стоит единственный ребенок Оливии — она так хотела его видеть, требовала это у бывшего, умоляла, и вот он наконец-то приехал, а может, прилетел... Но слова Тимоти для меня стали как удар обухом по голове.

Тюк! И я больше не зрелая и собранная женщина, а паникующая мать. Причем не этого горе-офицера, который сам еще ребенок, а малыша, который сегодня ночью чуть не положил жизнь за мой садик. Который спасал меня столько раз, что и не счесть! И этот... с позволения сказать, дракозленок предлагает мне — что?! Сдать моего Лазара ради... смягчения приговора?

— Приговора? — Я сложила руки на груди и посмотрела на него в упор. Красивый, зараза! Но до чего же противный пацан! — С каких это пор я преступница, сынок?

От моего простого обращения Тимоти дернулся, процедил сквозь сжатые зубы:

— Ты лишилась права так меня называть!

— А если буду выдавать тебе каждый месяц по беглому злодею, папа-король мне это право вернет? — моим сарказмом можно было заново полить сад. — С чего ты вообще взял, что я кого-то укрываю?

Пока я пряталась за бравадой, внутри меня все мелко подрагивало. От злости пополам со страхом. Потому что к этому избалованному подростку я ничего не чувствовала, такой же самоуверенный и жестокий, как папаша. А вот Лазара я готова была защищать ценой жизни.

— Я прибыл в эту провинцию, чтобы отследить его, и ночью почувствовал силу королевской магии Рована. Ею обладают только три дракона в королевстве: отец, я и Лазар. Отец остался в столице, выходит, твой сад потушил мальчишка.

Тимоти окинул надменным взглядом наш погорелый садик.

— Мы сами его потушили, — процедила я. — Я ничего не знаю ни о какой королевской магии...

— Серьезно? — вскинул брови Тимоти. Глаза, точно такие же как у меня, потемнели от ярости. — Ты защищаешь его? Ради чего?

Ради кого, папина гордость! Я к детям обычно хорошо относилась, но этот успел меня довести.

— Тогда мы обобщем поместье.

У меня задергалось веко, но я устояла на месте. Судорожно соображала, куда деть своего драконенка, что придумать. Но от дверей, ведущих с веранды в дом, раздалось уверенное:

— Я сдаюсь. Сам.

Мы с Тимоти оглянулись одновременно: в дверях, держась за косяк, чтобы не шататься, стоял мой маленький герой. Мне захотелось заорать: в основном, на Лазара — за то, что вышел и подставился, но потом и на королевского отпрыска.

— Схватить его! — скомандовал Тимоти, и красные мундиры взяли Лазара в кольцо.

— Нет, — прохрипела я, бросаясь вперед. — Отпустите его! Я вам запрещаю его трогать!

— Ты не можешь ничего запретить, — поморщился Тимоти. — Ты вообще уже ничего не можешь.

Я бросилась к Лазару, но он отворачивался от меня, прятал взгляд, а мундиры, конечно же, меня к нему не пропустили. Меня просто оттеснили в сторону и держали, забирая моего мальчика. Не имея возможности защитить Лазара, я вырвалась из рук военного и набросилась на Тимоти, ударила его ладонями в грудь. Он был на голову выше, но от неожиданности покачнулся.

— Он ребенок! — прорычала я.

— Он преступник! — прорычал он в ответ. — Такой же, как его отец. Яблочко от яблоньки.

— А ты тогда кто? — бросила я в спину Тимоти, когда он двинулся следом за мундирами. — Чудовище от чудовища?

Плечи молодого дракона напряглись, он бросил через плечо:

— Я не стану о тебе докладывать, потому что ты дала мне жизнь. Но в следующий раз держи руки при себе.

Мерзкий дракон!

Лазар на меня так и не посмотрел. А мне столько всего надо было ему сказать: отрубить за ненужное благородство, успокоить, убедить его в том, что все будет хорошо. Что я сделаю все, чтобы его освободили!

Что я сделаю для него все!

В дом я ворвалась раньше, чем всадники скрылись из виду, едва не сбив Дэмиана.

— Я пытался его отговорить, Оливия, — мрачно сообщил он. — Но Лазар убедил меня в том, что вы можете пострадать. И он прав. Вальден-старший пытался свергнуть короля Стефана.

— А его сын потушил мой сад! — едва не разрыдалась я. — Как их можно ставить на один уровень?

— Я и не ставлю, — покачал головой Дэмиан. — Но сделаю все, что вы попросите. Если мы можем чем-то ему помочь...

— Мне надо во дворец! — выпалила я. — Я попрошу бывшего супруга помиловать Лазара.

Мысль казалась безумной, но, чем больше я ее осознавала, тем отчетливее понимала, что это единственный выход. Единственно правильный.

— Нам придется прервать наше обучение...

— Не придется, — перебил меня мой ментор. — Я поеду с вами. Будем читать книги по пути, а вашу практику начнем в столице, у меня там родственники, найдем вам пациентов без предубеждений.

— Спасибо вам! — поблагодарила я и обняла Дэмиана. Чтобы тут же отстраниться и отправиться к Жюли.

Я должна была оставить ей распоряжения, прежде чем мы отправимся в путь. У меня ни на секунду не возникло сомнений, что это нужно сделать сегодня. Чем быстрее, тем лучше.

Мы должны успеть, прежде чем с Лазаром случится непоправимое.

10

Дорога до Варайи, столицы Рована, показалась мне чуть ли не вечностью. Сколько я себя помню, я всегда была сдержанной и опиралась в основном на разум: даже когда Наташа решила уехать переночевать за город к девочке, о которой я до этого дня ничего не слышала, и забыла мне об этом сказать, а у нее разрядился телефон, я паниковала меньше. Мне кажется, я вообще никогда себя так не чувствовала, словно из моей груди вырвали сердце и везут его к Стефану. Чтобы решить его участь.

Конечно, не добавляли уверенности и слезы Жюли, и растерянность Карлы. Тем не менее мне пришлось собраться и подумать о поместье: в частности, я попросила Карлу съездить в город и поговорить с Леоном, чтобы он помог нанять охранника, а лучше двух, для нашего сада и дома. Еще Карла должна была нанять того, кто согласится нас довезти до ближайшего крупного города, где мы сможем взять экипаж и постоянного кучера уже до столицы. Жюли я попросила никому ни о чем не говорить (кроме Леона и охранников, разумеется), ни о пожаре, ни о случившемся.

Это было все, на что меня хватило, потом мы с Дэмианом собрались в путь. Я держалась пару дней, стараясь погружаться в чтение и обучение, стараясь не думать о худшем и о том, что я могла сделать иначе, но потом меня все-таки накрыло. Посреди ночи на постоялом дворе, панической атакой. Я проснулась от того, что не могу дышать, быстро накинула халат поверх ночного платья и выбежала во двор.

Возможно, я знатно рисковала: все-таки местные так называемые гостиницы здорово отличались от земных отелей и даже хостелов. Они больше напоминали средневековые, где в темноте кто-то блевал под кустом, а за хлипкими стенами обиженно ржали потревоженные грубым уходом лошади недобросовестных кучеров или всадников. Как бы там ни было, я просто не могла находиться в замкнутом квадратике стен своей комнатухи, мне надо было почувствовать пространство и свежий воздух.

— Не спится? — раздался за моей спиной голос Дэмиана, и я подпрыгнула.

— Вы меня караулили, что ли?

— В каком-то смысле. Я чувствую ваше состояние, Оливия. Точнее, я его вижу. Не рискнул предложить вам успокаивающее зелье, потому что побоялся получить флакончиком в челюсть.

Дэмиан говорил серьезно, но уголки его губ дрогнули. Мои тоже.

— Спасибо, что поддерживаете меня, — тихо сказала я. — Вряд ли кто-то согласился бы рискнуть своей репутацией и поехать с опальной бывшей королевой в самое сердце Мордора.

— Куда? — не понял мужчина.

— Это... сказка такая. Неважно, — я покачала головой. — Хотела пошутить. Не получилось.

В кустах опять раздались дикие рыгающие звуки, и Дэмиан предложил мне руку:

— Пройдемся?

Я кивнула, и мы пошли по дороге, по которой нам завтра предстояло ехать в Варайю. До столицы оставалось около трех дней пути, и у меня кружилась голова при мысли о том, насколько быстрее конные всадники. Где сейчас Лазар. Что он чувствует там... совсем один.

На глаза снова навернулись слезы, и, поскольку луна светила ярко, от Дэмиана это не укрылось.

— Все-таки могу я вам предложить успокаивающее зелье? Чтобы вы хотя бы поспали нормально?

Я вздохнула.

— А вы? Судя по тому, что вы в полной боевой готовности, вы даже еще не ложились.

Дэмиан усмехнулся:

— У вас свои демоны, у меня свои. Я не виделся с родными более десяти лет. Не виделся и не общался.

Я ахнула. Хотя мне не привыкать к тому, что родственники внезапно могут оказаться чужими, все равно это каждый раз оказывается остро. Возможно, потому что это было остро для меня, а может быть, потому что дом для меня с детства воспринимался как такая маленькая крепость, в стенах которой тебя ждут самые родные и близкие, которые всегда встретят и всегда поймут. Мама и отец жили душа в душу, они безумно меня любили. Очень хотели второго ребенка, но не получилось. Когда отец умер, мама стала мне и матерью, и отцом, и я всегда знала, что она за меня горой. Потом ушла и мама, через пару лет после моей свадьбы, и, наверное, именно в этот момент я на Земле осталась одна. Потому что то ли я исчерпала свой лимит на чудесную семью будучи ребенком, то ли сама где-то здорово накосячила, но...

— Мне жаль, — тихо сказала я.

— Я уже с этим справился, — Дэмиан покачал головой и невесело улыбнулся. — Осталось справиться с нашей встречей, но мы сейчас не об этом. Что вас тревожит, Оливия?

— Что я не успею, — выпалила я. — Что с Лазаром случится непоправимое, что я не смогу ему помочь, хотя я должна была его защищать! Я должна была...

— Что? Раскидать десятерых здоровых мужчин, военных? — Мужчина прищурился. — Сразиться со своим сыном, который вот-вот войдет в полную мощь королевской магии?

Так-то он был прав, но...

— Я должна была найти слова. Должна была убедить его не забирать Лазара...

— Иногда слов бывает недостаточно. Иногда мы не всемогущи, — Дэмиан покачал головой. — А случается так, что нас просто не хотят слушать.

К горлу подступил ком:

— Скажите мне, что все будет хорошо, — попросила я. — Пожалуйста. Я запаниковала тогда, хотя я никогда не паниковала, и я должна была оставаться с холодной, трезвой головой, но я...

— Оливия, вы не могли! — Мужчина остановился и взял меня за плечи. — Этот мальчик для вас очень много значит. Просто смиритесь с тем, что вы не всегда можете будете идеальной, собранной и сильной. Иногда можно проявить слабость, иногда можно оступиться, но самое главное после этого — собраться и идти дальше. Действовать. Вы действуете, и да, все будет хорошо. Все получится. Если у кого-то и получится, так это у вас. Я в вас верю.

Эти слова подействовали гораздо лучше успокаивающего зелья. По крайней мере, мне больше не хотелось бегать по своей маленькой комнатке, как обожравшемуся «Машеньки» таракану, которому, к тому же, включили свет. Дыхание выровнялось, глаза больше не лезли на лоб, и в целом я была готова к дальнейшему и... ко встрече со Стефаном.

— Благодарю, — твердо сказала я. — Мне очень нужно было это услышать.

— Возвращаемся? — Дэмиан кивнул на оставшийся позади нас двухэтажный гостевой домик, который выглядел слегка накренившимся и готовящимся к перерождению.

— Возвращаемся.

Он проводил меня до комнатки, убедился, что со мной все хорошо — пощупав пульс, и только после этого развернулся, чтобы идти к себе. Я знала, что мужчины любят быть сильными и считают, что поддержка им не нужна, но все-таки не смогла не сказать:

— С вашей семьей тоже все будет хорошо.

Он на мгновение замер, но потом просто шагнул к себе в комнату, она была по диагонали от моей, и прикрыл за собой дверь.

Больше мы не поднимали ни тему Лазара, ни тему его семьи, но, по мере того как мы приближались к Варайе, внутри меня натягивались невидимая струна. Грозящая лопнуть от

любого неосторожного слова, события или новости, и исхлестать меня изнутри так, что мало не покажется.

Варайя была большой и красивой, и, несмотря на то, что мы прибыли туда к вечеру, я даже сквозь усталость и тревогу не могла не отметить величественную ширину улиц и перекинутых через ленты рек мостов. Здесь пахло морем, как в Санкт-Петербурге, и, казалось, что здесь повсюду вода. Что совершенно неудивительно: для водных-то драконов.

Я собиралась сразу ехать во дворец, но Дэмиан этому воспротивился:

— Вам надо отдохнуть, — произнес он, — набраться для предстоящего сил. Один вечер ничего не решает.

— Для Лазара он может оказаться решающим! — запротестовала я.

Вместо ответа Дэмиан постучал тростью по потолку, и кучер остановил карету. Мужчина распахнул окно, протянул кому-то несколько монет, а после — мне. Газету.

— Смотрите. Любые важные новости сразу попадают сюда, — произнес он. — Если бы Лазару грозила смертельная опасность, мы бы прочитали об этом здесь.

Я пробежала глазами тоненький листок: действительно ничего. Ничего для меня интересного.

Дэмиан снова постучал, и мы поехали дальше.

— Я могу переночевать в гостинице... — начала было я, но он так на меня посмотрел, раздувая ноздри, что я решила замолчать.

По улицам столицы экипаж ехал медленнее, и я задремала, а когда открыла глаза от рывка остановки... Мы стояли перед огромным, окруженным садом трехэтажным особняком.

— Мы куда-то не туда заехали? — сонно уточнила я.

— Напротив, — губ Дэмиана сорвался смешок. — Очень даже туда. Это дом моего отца. И у меня натурально отвисла челюсть.

Господи, Дэмиан, кто ты такой?!

11

Выпытать у него подробности я не успела: на крыльце нас уже ждал дворецкий в темно-синей ливрее. Высокий, с проседью в черных волосах и со светлыми глазами, он низко поклонился сначала моему спутнику.

— Добро пожаловать домой, господин Дэмиан. — А затем мне: — Добрый вечер, госпожа Оливия.

На этом я зависла еще сильнее, потому что не привыкла к тому, что меня называют по имени незнакомые люди. Он меня знает?! Правда, тут же себя мысленно одернула. Конечно, он тебя знает, Оль! Ты была королевой этой страны.

Пока я вела внутренний диалог, Дэмиан перекинулся парой фраз с дворецким.

— Ваш визит — для меня приятная неожиданность.

— Я тоже рад тебя видеть, Ходжинс, — похлопал его по плечу мой ментор.

Теплота между этими двумя была видна невооруженным взглядом.

— Господин Рихтер не сообщил мне, что вы приедете.

— Никто не в курсе, что я в Варайе.

— Даже так? — вскинул брови Ходжинс. — Хотите, чтобы я предупредил?

— Нет, я сам, — отмахнулся Дэмиан. — Обрадую свою семью лично.

За все время нашего знакомства я ни разу не видела такого холодного взгляда у своего ментора. Словно на небо набежали тучи, полностью закрыв собой солнечный свет. Из чего я сделала вывод, что его отношения с семьей, мягко говоря, не самые душевные, а слово «обрадую» можно смело брать в кавычки. Но ради меня Дэмиан сюда приехал. Ради меня и Лазара. Вот это было действительно тепло.

— Дэмиан, — позвала я и шепотом, чтобы дворецкий меня не услышал, поинтересовалась: — Кто ваш отец?

Мой ментор вскинул брови.

— Королевский советник Рихтер Ландар. Я думал, вы догадались, когда увидели мою фамилию на конверте.

Не догадалась, потому что ничего этого я не знала. А если бы знала... Настояла бы на гостинице!

Королевский советник. Это объясняло окружающую нас роскошь. Дом оказался великолепным не только снаружи, но и внутри. Если в моем поместье все было старенькое, здесь мебели из красного дерева, картинам на стенах, широкой деревянной лестнице, уводящей на второй этаж, больше подошел бы эпитет «винтажный». Я уже молчу про витражное окно, на котором был изображен бой водных драконов: все оттенки синего и серого смешались воедино, из белой морской пены выступали ящеры-гиганты, оплетающие друг друга длинными гибкими телами. Витраж подсвечивали массивные светильники, расположенные по обе стороны.

— Ходжинс, устрой мою гостью с комфортом и распорядись подать ужин в ее комнату, — приказал Дэмиан и повернулся ко мне: — Постарайтесь сегодня выспаться, Оливия. После завтрака мы вместе отправимся во дворец, выручать нашего друга.

Дэмиан скрылся в арке на первом этаже, а мне не оставалось ничего другого, как идти за дворецким. Комната, в которую меня привели, была не менее роскошной: мебель из орехового дерева, светло-лиловая, с серебром, обивка и покрывало на кровати в углу, эркерные окна с видом на сад. Лакей принес огромный поднос с легким, но изысканным ужином, горничная помогла принять ванну, после всего этого я буквально упала на мягкую постель, приятно пахнущие лавандой шелковые простыни. Если бы не волнение за Лазара, я бы почувствовала себя кайфующей в пятизвездочном отеле туристкой, настолько все вокруг было красивым и удобным.

Дорога и переживания за моего мальчика, очевидно, меня окончательно вымотали, потому что заснула я на этот раз быстро, а на рассвете так же быстро распахнула глаза, словно кто-то нажал на мне кнопку «включить». Облачилась в свое лучшее платье и выскользнула из своей роскошной комнаты.

Дэмиан сказал, что мы отправимся во дворец вместе, но я не собиралась подставлять его под гнев Стефана. Не только его. После того, что я узнала о происхождении моего ментора, я не собиралась подставлять королевского советника и всю их семью. Это касалось только меня и Лазара.

В такую рань в коридорах я столкнулась исключительно со слугами.

— Доброе утро, госпожа Оливия, — поприветствовал меня дворецкий. — Желаете позавтракать?

Кажется, вчера я израсходовала лимит собственного спокойствия, потому что сегодня нервничала так сильно, что при мысли о завтраке у меня сжался желудок.

— Доброе утро, Ходжинс. Дэмиан еще не проснулся?

— Пока нет, госпожа.

— Тогда передайте ему, что я отправилась по делам. Он в курсе, по каким.

— Вам вызвать экипаж?

— Да, буду очень благодарна.

Яркое летнее солнце вставало над городом, золотило крыши, пробуждало жителей столице. Было так рано, что еще не продавали газеты, и я прикусила губу и переплела пальцы, чтобы немного успокоить расшатавшиеся нервы.

Дворец я заметила еще издалека, через окошечко экипажа: махина из светлого-серого камня возвышалась над остальными зданиями столицы. Помню, что я представляла Стефана живущим в черном, как его душа, замке, но реальность оказалась не столь мрачной. Скорее уж, впечатляющей. Узкие арочные окна, пять уровней, украшенные шпилями башни, на которых развевались красно-синие флаги, добавляя дворцу красок. Даже странно было осознавать, что Оливия жила в этой сказке. Еще труднее — что здесь живут такие чудовища, как король Стефан и его наглое отродье.

Когда мы пересекли каменный мост и подъехали к огромным кованым воротам, я что есть силы сжала кулаки и сделала вдох-выдох. Как раз вовремя, потому что в следующее мгновение экипаж остановился. Когда же я выглянула в окошечко, то обнаружила, что меня встречают вооруженные красные мундиры.

12

Сердце ударилось о ребра, а уже в следующий момент я услышала:

— Оливия Веттивер, выйдите из кареты. Вы арестованы за своевольное оставление места ссылки и за возвращение в Варайю.

«Пипец котенку, больше срать не будет», — подумалось мне саркастичной фразой из нашего мира.

Тем не менее я спокойно вышла из кареты и, глядя на гвардейцев сверху вниз (как-никак бывшая королева), произнесла:

— Я требую встречи с его величеством Стефаном.

В отличие от Тимоти, который мне заявил, что я не вправе ничего требовать, гвардейцы слегка опешили. Видимо, правду говорят, что наглость города берет. Ну... относительно. Потому что меня все-таки окружили и под конвоем повели туда, куда я так рвалась. Это был плюс. Очевидный. Когда я ехала в столицу, я не была уверена в том, что вообще попаду во дворец, так что сейчас — хоть свободная, хоть арестованная, я стала на шаг ближе к Лазару. Если бы могла, побежала бы в сторону тюрьмы вприпрыжку, но приходилось подстраиваться под статный чеканный шаг гвардейцев.

Дэмиан рассказал, что в Варайе существует тюрьма Овилид, в ней содержат обвиненных магов и людей до суда — в отдельной башне, а после переводят в башни постоянного заключения. Я надеялась, что ребенка туда не посадят, а значит, он либо здесь, во дворце, либо его снова отправили на каменоломни. Последнее заставляло сердце сжиматься в ужасе, равно как и то, что Стефан мог казнить его на месте.

При мысли об этом я чувствовала, как меня заполняет лютый студеной холод, и всеми силами старалась не думать о последнем варианте. О том, что король Рована скор на расправу, мне рассказала бьющаяся в слезах Жюли, в красках расписавшая, как он казнил собственного брата в Вейсмейстрии. Точнее, она это выдала под эгидой того, что Оливия это прекрасно знает, а я тогда чуть не умерла от страха. Жюли получила выговор от Дэмиана за нагнетание, а я всеми силами отрицала такую возможность. Все-таки Лазар — не заговорщик, а всего лишь ребенок. Мне действительно удавалось об этом не думать... до настоящего момента, но сейчас, в непосредственной близости от Стефана, не думать получалось плохо.

«Оля, уймись, — мысленно приказала я себе, — если ты сейчас впадешь в истерику, лучше никому не будет. Лазару тем более».

Как ни странно, действовало. Мне нужна была свежая голова, потому что с несвежей говорить со Стефаном бесполезно. С ним и со свежей-то сложно общаться, у него эго высотой до башен дворца, а все остальные для него как блохи с высоты драконьего полета.

Мы шли через парк, и слуги, замечающие меня, немедленно вскидывали головы. Я ловила недоумевающие злые взгляды, впивающиеся в меня иглами, ошарашенные, изумленные — стекающие с меня и с моего платья, как дождевые капли. Похоже, что Оливию здесь не очень-то любили. Интересно, какой она была королевой? Вот будет «прелесть», если под стать Стефану и Тимоти: такой же жестокой, холодной и бездушной. Тогда все понятно.

С другой стороны, ее могли не любить именно потому, что она не вписывалась во всеобщий серпентарий. Я так мало знала о владелице этого тела, и возможности узнать побольше у меня не было. Не станешь же говорить Дэмиану:

— Расскажи мне обо мне. Как я тут правила?

Можно было бы заранее порасспрашивать Жюли с Карлой, но я старалась как можно более изящно огибать тему собственной «забывчивости». Не акцентировать на ней внимание лишний раз, поэтому имеем то что имеем.

Ну да ладно, это сейчас не суть важно.

Роскошный парк заливало рассветное солнце, золотом расплескавшееся по яркой зелени, дорожкам и фигурно подстриженным кустам и деревьям. Расчерченные узорами садовников газоны, мосты, перекинутые через озера и речки, фонтан перед главным входом — все это осталось позади.

Мы зашли с какого-то бокового-бокового входа, спустились по каменной, щедро отдающей холод лестнице, и оказались в подземелье. В натуральном таком подземелье, озарял его лишь свет факелов, и если бы не они, здесь в летнем платье можно было бы сразу окочуриться от холода.

— Вы так и не сообщили, встретится ли со мной Стефан, — бросила я шагающему первым гвардейцу. У него были самые выдающиеся эполеты, из чего я сделала вывод, что говорить нужно именно с ним.

— Его величество знает о вашем визите, — сообщил начальник сопровождающих меня. — Вы узнаете о его решении позже.

Стефан знает, что я прибыла в столицу? Миленько!

Похоже, мой визит вчера не остался незамеченным, в плане того, что отец Дэмиана решил подсуетиться и отправить гонца с доносом, чтобы его самого куда-нибудь не отправили. Например, в такую же глушь, как меня.

Ну здравствуйте, дворцовые интриги, никогда вас в моей жизни не было, и вот опять.

Меня втокнули в каменный мешок, единственным источником света в котором были отблески пламени от тех самых факелов. Они проникали сквозь решетку в двери, которую можно было закрыть заслонкой — и тогда в камере воцарилась бы кромешная тьма. Самое то для любителей блэкаута.

В стрессовых ситуациях во мне всегда просыпался нездоровый сарказм, вот и сейчас я окинула взглядом отведенное мне местечко и вспомнила любимый фильм детства «Джентльмены удачи» с Евгением Леоновым. Правда, «зрения лишать» в этой камере было некого, у меня не было соседей, была одна койка с тюфяком и подушкой, в ногах лежало свернутое покрывало. Здесь даже стол стоял, грубо сколоченный, а вот с санузлом были гигиеническо-сантехнические проблемы, или, попросту говоря, дыра в полу. Но запаха от нее не было: видимо, ее обрабатывали каким-то заклинанием. Или вручную, разбираться в этом мне не хотелось.

Так-с, ну и какие у нас варианты, Оля? В принципе, все те же, что и раньше — ждать милости Стефана и надеяться на то, что его величество сегодня в духе. Ну может же такое быть? Может, его любовница хорошо удовлетворила? Что-то внутри неприятно кольнуло, очевидно, тело Оливии хорошо помнило многочисленных любовниц супруга. В том, что их было море, я не сомневалась: такие как Стефан себя вряд ли в чем-то ограничивают, а придворные дамы всегда будут рады заручиться особой поддержкой при дворе. Но это уже «Анжелика», не будем снова погружаться в земной кинематограф и букинистику. Лучше подумаем, как правильно начать разговор.

Я крутила его в голове всю дорогу в Варайю, по десять раз продумывала, подбирала слова. Проблема заключалась в том, что у меня было мало исходных данных, но кое-что про Стефана я все-таки поняла. Конкретно, про его большое эго. И, как говорится, хочешь добиться чего-нибудь от власти имущего, погладь его... эго. Да-да, я именно про эго сейчас думаю.

А впрочем, времени подумать у меня было предостаточно: Стефан не появился ни ближе к обеду, ни после. Это я поняла по потянувшимся из коридора запахам и звякающим замкам. При мысли о том, что здесь может быть Лазар, я прикинула к холодному металлу двери, рассчитывая услышать хотя бы что-то, что даст мне надежду. Хотя бы имя, звук его голоса, но увы.

Чем дальше, тем больше я нервничала. Не из-за себя. Из-за Лазара. Сдается мне, бывший муж использовал это время в камере как давление на меня, чтобы я тут психанула, как следует.

Благо, помогала выдержка, которую я взрастила еще на Земле, и я очень быстро пресекала и подступающие панические атаки, и желание надумать себе кошмаров.

Мне пришлось воспользоваться дырой в полу, и вот тут я увидела, как работает очищающее заклинание. Когда в темноте заискрилась магическая схема, я отскочила от нее с визгом. Правда, к счастью, успела все сделать, а то вышел бы невероятный конфуз.

Стефан все-таки явился ближе к вечеру, когда утихли запахи ужина. Чувства голода я не испытывала, как и жажды — видимо, все поглотил бурлящий в крови адреналин. Поэтому и его величество, шагнувшего ко мне в камеру, я восприняла с яростным спокойствием.

— Доброго вечера, — сообщила я, и мне даже удалось сдержать рвущийся в голос сарказм. Потому что помним про эго!

Стефан щелкнул пальцами, и под потолком заискрилась магия, освещающая камеру, после чего задвинул заслонку. И, судя по всему, накиннул еще какое-то заглушающее заклинание, потому что у меня на мгновение заложило уши, как под водой.

— Неслыханная наглость, — холодно произнес дракон, обходя меня по кругу, словно надеялся сзади, слева или справа увидеть что-нибудь необычное.

— Что именно?

— Ты мало того, что явилась в столицу, так еще и с Дэмианом Ландаром.

— Дэмиан тут ни при чем, — я посмотрела в холодные, как глубины океана, глаза. — Я поехала, а он, как настоящий мужчина, вызвался меня сопровождать, чтобы со мной не произошло неприятностей по дороге.

— И ты хочешь, чтобы я в это поверил? — Стефан вскинул брови, от него ощутимо плеснуло яростью. — Что ты явилась сюда просто так за компанию с наследником моего советника?

Вообще-то не просто так, но... постойте! Тимоти что, не сказал, где именно нашел Лазара?

— То есть то, что я здесь из-за Лазара, тебе в голову не пришло?

Взгляд Стефана стал не просто холодным, а обжигающе-ледяным. Та самая океанская глубина оцетинилась кинжалами льда, каждый обломок которого мог не просто порезать до крови, а пронзить сердце насквозь.

— Откуда ты знаешь о Лазаре, Оливия? — Уже одним только голосом его величества можно было убивать.

Да, точно не сказал. Не совсем потерял для общества.

— У меня есть свои источники. Я бывшая королева как-никак, — хмыкнула я, вскинув голову.

Пока что не лучший вариант сообщать ему правду. Вот когда договоримся, тогда... тогда будет уже без разницы.

— Ключевое слово — бывшая, — выплюнул Стефан, шагнув ко мне вплотную. Каждый раз, когда он ко мне приближался, мое тело начинало жить отдельную жизнь. Оцетинивалось мурашками и не то стремилось слиться со стенкой, не то с этой... драконоособью. Умом, как медик, я понимала, что это биохимия тела Оливии, привыкшей реагировать на него именно так, но все равно было крайне натуралистично. Дракон возвышался надо мной, как скала над пигмеем, и мне хотелось из-под этой скалы выскочить как можно скорее. И отбежать на безопасное расстояние.

— И все-таки. Я пришла просить тебя о милосердии, Стефан. — Я посмотрела ему в глаза. — Ты правишь этой страной, на тебя равняются драконы и люди. Покажи им, что ты можешь быть милосердным. Отпусти этого ребенка, который ни в чем не виноват...

— Этот ребенок, — перебил меня Стефан с каким-то совершенно жутким выражением лица, — убил конвоира. Милосердие...

Он выплюнул это слово, как нечто непристойное.

— Возможно для тех, кто никогда не ударит в спину. Для Лазара Вальдена это непозволительная роскошь. Он будет казнен в ближайшее время, Оливия. И ты будешь присутствовать.

Мне показалось, что я падаю в пропасть. В такую, из которой уже не выберусь никогда, если достигну дна. Стефан развернулся, чтобы уйти, сияние магии под потолком начало меркнуть, и я бросилась к нему. Вцепилась в его руку:

— Пожалуйста, пощади его! Можешь казнить меня, если тебе так надо кого-нибудь казнить! Только пожалуйста, не трогай его!

Запястье обожгло болью: бывший муж развернулся ко мне с каким-то уже совершенно зверским выражением лица. Я помнила, как он обернулся, вот и сейчас на его скулах уже проступала чешуя, словно он готов был вот-вот стать драконом и разнести здесь все. Стефан так сдавил мою руку, что я рисковала переломом.

— На что еще ты ради него готова, Оливия? — Это был уже не голос мужчины, а рычание зверя.

— На все, — твердо сказала я.

Чешуи стало больше, а водное пламя брызнуло сквозь радужку, чудом не затопив вертикальные зрачки.

— Замечательно, — ядовито прошипело это чудовище. — Тогда раздевайся.

13

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.